

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK 3
P3
V.53

OK
6P1

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JAN 25 1976

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ
О
НОРОДѢ ОСТЯЦКОМЪ

СОЧИНЕННОЕ

ГРИГОРИЕМЪ НОВИЦКИМЪ

ВЪ 1715 ГОДУ

Издано под редакціей Л. Н. МАЙНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1884

Екатерининскій кан., д. № 78.
2600

„Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ“ печатается по старѣйшей рукописи этого сочиненія, которая принадлежитъ Tobольскому каедральному собору и была доставлена въ С.-Петербургъ по ходатайству Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Рукопись эта составляетъ тетрадь въ четвертку изъ 98 листовъ, въ картонномъ переплетѣ. До 93-го листа рукопись писана южно-русскимъ почеркомъ начала XVIII вѣка, а съ 93-го листа до конца—другимъ, обыкновеннымъ великорусскимъ того же времени. Въ части, писанной первымъ почеркомъ, есть нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ особою рукою, бойкою, но мало разборчивою, быть можетъ, рукою сочинителя. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ рукописи, почеркомъ одного изъ позднѣйшихъ читателей ея, извѣстнаго изслѣдователя исторіи и этнографіи Сибири въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, Николая Алексѣевича Абрамова, между строкъ отчетливо означены слова, неразборчиво написанныя старымъ писцомъ. На оборотѣ послѣдняго 98-го листа находятся слѣдующія двѣ приписки:

1) „Въ сей книгѣ девяносто восемь листовъ—98 л. Tobольскаго каедральнаго собора ключарь Протоіерей Яковъ Ласточкинъ 1856 года Апрѣля 5-го дня“.

2) (рукою Н. А. Абрамова) „Эту книгу читалъ Учитель Tobольск. Уѣздн. уч. Николай Абрамовъ“.

Кромѣ описанной рукописи, извѣстенъ еще другой списокъ „Краткаго описанія“, сдѣланный въ 1839 году Н. А. Абрамовымъ и въ 1840 препровожденный имъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Изъ департамента списокъ этотъ поступилъ въ архео-

графическую комиссію, откуда въ 1874 году былъ переданъ въ Императорское Русское Географическое Общество. Списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько неисправностей, происшедшихъ отъ того, что Абрамовъ невѣрно прочелъ нѣкоторыя неразборчивыя мѣста подлинника, но за то снабженъ довольно большимъ и любопытнымъ посвященіемъ переписчика департаменту народнаго просвѣщенія ¹⁾. Тѣмъ же Абрамовымъ былъ доставленъ другой списокъ „Краткаго описанія“ непосредственно въ Географическое Общество еще въ 1854 году ²⁾; но въ настоящее время ни въ ученомъ архивѣ, ни въ библіотекѣ Общества не имѣется этой рукописи.

Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ Тобольскаго списка буквально; редактору изданія принадлежитъ только разстановка знаковъ препинанія ³⁾.

Свѣдѣній объ авторѣ „Краткаго описанія“, Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ самого его сочиненія. Языкъ „Описанія“, манера изложенія, а равно и фамилія автора, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ Малороссіянинъ, по всей вѣроятности — питомецъ Киевско-Могилеанской коллегіи. Изъ предисловія къ „Описанію“ видно, что онъ попалъ въ Сибирь неволею: „Узришь, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ его же, не желаніе любопытства ниже о всякихъ вещехъ искателство виденія въведе сѣмо, но брани смущенія междоусобныя и время зловлеченіе предаша неволи“. По дѣламъ Тобольскаго консисторскаго архива Н. А. Абрамовъ доискался, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ другими 15-ю лицами, относится къ 1712 году; но ближайшая причина ея остается не раскрытою. Въ бытность свою въ Сибири Григорій Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора князя Михаила Петровича Гагарина и митрополита Филофея; послѣдняго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской

¹⁾ Посвященіе это напечатано въ замѣткѣ моей о сочиненіи Гр. Новицкаго въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* т. XI, отд. 2, стр. 1—9.

²⁾ См. Отчетъ Русск. Геогр. Общества за 1854 г., стр. 54.

³⁾ Здѣсь кстати будетъ отмѣтить нѣсколько вкрапившихся въ наше изданіе опечатокъ. На стр. 19 и 20 собственное имя *Чинчинъ* слѣдуетъ читать *Чининъ*; на стр. 21, въ строкѣ 9 сверху, вмѣсто *Етичеръ* должно быть *Етичеръ*; на стр. 47, въ строкѣ 11 сверху, вмѣсто *вѣщепри* должно читать *вѣщепри*; на стр. 56, въ строкѣ 12 сверху, вмѣсто *и*; *зѣтри* должно быть: *и зѣтри*

вѣры Остякамъ и Вогуламъ; эти-то поѣздки и подали Новицкому поводъ къ сочиненію „Описанія“ въ 1715 году. Изъ разсмотрѣнныхъ Абрамовымъ дѣлъ консисторскаго архива обнаруживается, что при преемникѣ Филоеевѣ, митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомъ), Новицкій назначенъ былъ въ Ковдинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещеными Остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впоследствии убитъ вмѣстѣ со священникомъ Сентяшевымъ ¹⁾. Случилось это уже послѣ 1720 года, когда скончался Филоеевѣ.

Изъ сочиненія Новицкаго, которое, къ сожалѣнію, осталось не оконченнымъ, обнаруживается, что авторъ его обладалъ замѣчательнымъ по своему времени образованіемъ. Ссылки Новицкаго на Овидія свидѣтельствуютъ, что онъ зналъ по латыни и читалъ римскихъ поэтовъ; свѣдѣнія же по исторіи Сибири, приводимыя имъ въ §§ 6—9 главы I-й „Описанія“, показываютъ, что онъ ознакомился съ прошлыми судьбами Сибирскаго края изъ Сибирской лѣтописи Саввы Есипова, сочиненія, которое пользовалось въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII вѣка большою извѣстностью между людьми, интересовавшимися исторіей Сибири ²⁾.

Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности преосвящ. Филоеева даютъ „Краткому описанію“ значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленные факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, на примѣръ, Лафито (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix), съ „Описаніемъ Камчатки“ Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это — первое по времени спеціальное сочиненіе. Да и

¹⁾ *Временникъ Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ*, кн. XX, статья *Абрамова* о Сибирскомъ митрополитѣ Филоеевѣ Лещинскомъ, стр. 3, прим.

²⁾ Объ этомъ можно судить по множеству дошедшихъ до насъ списковъ, въ разныхъ редакціяхъ, лѣтописи Есипова, относящихся къ означенному періоду времени. Любопытно, что существуетъ одинъ списокъ лѣтописи Есипова, первоначальной редакціи, писанный южно-русскимъ очеркомъ и съ яркими признаками малороссійской рѣчи. Списокъ этотъ находится въ библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ и поступилъ туда отъ Шлецера въ 1767 г., какъ значителенъ въ помѣтѣ.

вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ Петровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса ¹⁾).

Остававшееся до сихъ поръ не изданнымъ, сочиненіе Гр. Новицкаго еще въ рукописи давно обращало на себя вниманіе изслѣдователей этнографіи и исторіи Сибири. Кромѣ Н. А. Абрамова, изъ него извлекали свѣдѣнія протоіерей Ал. Сулоцкий ²⁾, П. А. Слоцовъ ³⁾, Гр. Ив. Спасскій ⁴⁾ и еще во второй половинѣ прошлаго вѣка—тобольскій ямщикъ Илья Черепановъ, авторъ такъ-называемой „Новой Сибирской лѣтописи“, доселѣ не изданной ⁵⁾. Но всѣхъ болѣе воспользовался сочиненіемъ Новицкаго одинъ плѣнный Шведъ (или Нѣмецъ), находившійся одновременно съ нимъ въ Tobolsk. Это былъ драгунскій капитанъ I.-B. Мюллеръ, почти цѣликомъ переведшій „Краткое описаніе“ въ своей статьѣ „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostlaken“, приложенной къ извѣстному сочиненію Фр.-Хр. Вебера: *Das veränderte Russland* (Hamburg. 1721). Статья Мюллера, составленная въ Tobolsk въ 1716 году и пять лѣтъ спустя уже напечатанная, впервые обстоятельно познакомила ученую Европу съ одною изъ важнѣйшихъ племенныхъ группъ Западной Сибири. Между тѣмъ оказывается, что заслуга эта принадлежала въ сущности Русскому, Григорію Новицкому, имя котораго даже и не упомянуто Мюллеромъ.

Считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность почтенному П. Н. Тиханову, который раздѣлялъ со мною трудъ по печатанію „Краткаго описанія“ и составилъ къ нему указатель.

Л. Майковъ.

¹⁾ Къ удивленію, П. П. Пекарскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, вовсе не упоминаетъ о трудѣ Новицкаго.

²⁾ Святитель Филовей, митрополитъ Сибирскій и Tobolsk. Изд. 2-е. Омскъ. 1882.

³⁾ Историческое обозрѣніе Сибири. М. 1839.

⁴⁾ Въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*.

⁵⁾ См. мою записку о ней въ 7-мъ выпускѣ *Лѣтописи занятій археографической комиссіи*, отд. IV, стр. 40.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ
О
НАРОДѢ ОСТЯЦКОМЪ

ИЖЕ

ВЪ ПРЕДѢЛѢХЪ ПОЛНОШНЫХЪ ЦАРСТВА СИБИРСКАГО ОБРЪТАЕТСЯ
СЪ НѢКОТОРЫМЪ ТОГО ЖЕ ГОСУДАРСТВА
ОСОВНѢЙШИХЪ ВЕЩЕЙ ВЪДЕНІЕМЪ

А НАИПАЧЕ

О ЖИТИИ, ОБЫЧАЯХЪ И ПРЕБЫВАНІИ СЕГО ОСТЯЦКОГО НАРОДА,
ТОЖДЕ ИХЪ ПРЕЖДНОМЪ ЗЛОЧЕСТИИ КУМИРОСЛУЖЕНІЯ, О ОВРАЩЕ-
НІИ ВЪ ПРАВОСЛАВНУЮ БЛАГОЧЕСТИВУЮ ХРИСТИАНСКУЮ ВѢРУ

ЕЖЕ

ГОСПОДУ СПОСПѢШЕСТВУЮЩУ ТЩАНИЕМЪ СІЯТЕЛНѢЙШАГО КНЯЗЯ
МАТѢЯ ПЕТРОВИЧА ГАГАРЫНА, ГУБЕРНАТОРА ЦАРСТВА СИБИРСКАГО,
ПРОПОВѢДІЮ ЖЕ ТРУДОЛЮБНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ ПРОПОВѢДНИКА И УЧИТЕЛЯ
ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХИЕРЕЯ ФЕОДОРА СХИМОНАХА

СОВЫСТѢСЯ

ВЪ ВРЕМЯ ПРАВЯЩА ПРЕСТОЛОМЪ МЕТРОПОЛИ СИБИРСКОЙ ВЕЛИКАГО І ПАПА
ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХИЕРЕЯ **ЮАНА МАЗУМОВИЧА**

СПИСАНО ЖЕ ЗА ПОВЕЛѢНІЕМЪ ЕГО КНЯЖЕСКОЙ СВѢТЛОСТИ ГУБЕРНАТОРА СИБИРИ

НИЖАЙШИМЪ ЕГО РАБОМЪ **ГРЫГОРИЕМЪ НОВИЦКИМЪ**

Пама съ отраслию на крестъ суть сложенны,
Знаменіемъ вѣры суть крестъ свято почтенны,
Свазанна въ едино любовь знаменуетъ.
Вѣнецъ правды здѣ зложенъ надежду являетъ:
Вѣра, надежда, любовь на ихъ положенный
Законъ Христовъ, трома сими утвержденный.
Исполненъ Гагарыновъ гербъ предвѣчной славы,
На немъ же благодати Божой сложенны уставы,
И добры отъ отраслей плоды происходятъ:
Умноженіе вѣрныхъ сториčno приносятъ.

Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ сѣятелства
вашего, еже все православіе, всю подсолнечную неописан-
нымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего не-
удобства бысть се могутство достойно изобразити, еже нынѣ
съ раболѣпнымъ преклоненіемъ егда приношу, сѣмнѣнія и
ужаса исполненъ: яко недоволю есть противу величества
дѣлъ сѣятелства вашего, сіятелнѣйшій и благороднѣйшій
князь, усумнѣтиса въ истинну; паче же постыдѣтиса подобаетъ
мнѣ, яко неудобство мое малѣйшимъ симъ дерзну изобрази-
ти начертаніемъ толь преславная дѣла, толикое сихъ величіе,
еже не у миру вмѣстимо есть: тако убо простресея, тако
превзыйде и превознесесе, яко вся наполни церкви веселіемъ,
православіе возделѣннымъ благополучіемъ, благочестіе умно-
женіемъ, и вся стихія, землю, небо неизреченнымъ наполни
торжествомъ: не о единомъ бо грѣшника спасеніи, но о мно-
гочисленнаго народа обращеніи утвори небеса радоватиса.
Объемлетъ здѣ всю подсолнечную удивленіе, церковь Божию
веселіе, небеса побѣдителное торжество, егда на сія взи-
рають сіятелства вашѣго добродѣтели на толикія преслав-
ная о благочестіи тѣжаніе и труды; узрять здѣ, како непрео-
долѣнная по благочестіи ревность, ревнующа поревновахъ крѣп-
кою десницею, древнее низрину злочестіе, погуби злобу

идолску, нисведе з небесъ милость, и побѣдоносимъ церквѣ Божію отъ многочисленныхъ цвѣтцовъ душъ человѣческихъ соплетеннымъ приложи увѣнчеватися вѣнцемъ: вся убо сія аще вишняго суть правленіе, зане обращеніе невѣрно нѣсть человѣка хотяща, но Бога милующаго. Обаче вышняго правленіе и наставленіе тобою дѣйствова тобою утворы, въ тебѣ вмѣсти благодати своя дары, благоразуміе, милосердіе, и всему угодная орудія толика преславныя дѣйствовати. Свѣтовидно здѣ яви себе миру великое благоразуміе сіятелства вашего, егда правленіе свое царственную Сибѣрь преславныхъ наполни величествомъ толь достойныя хвалы Божыя почти умноженіемъ всемірнымъ наполни веселіемъ, а что выще яко обще всему государству приложи несумнѣнно желаемыхъ благъ чаяніе; ничтоже бо тако нисводитъ съ небесъ милость, всихъ благъ подателницу, яко благочестіе, еже нынѣ трудолюбнымъ тщаніемъ сіятелство ваше умножая умножаетъ миру благополучіе, предувидѣ высокимъ благоразсмотрителствомъ сіятелство ваше толико угодного проповеди сей учителя, трудомъ непреодолимнаго, противниковъ яростію неустрашимаго, должайшѣмъ путь шествіемъ неизнемогающаго, и аще глубочайшею старостію (еже самый недугъ) одержимъ есть, обаче силою свыше укрѣпляетъ. Не изнемагае тщательнѣ и трудолюбнѣ богоугодное сіятелству же вашему и всему желаемому миру искать, умножать и утверждать благочестіе; умолкну здѣ прочее, како таковое благоразуміе древнихъ благочестія ревнителей божественная мудрствующихъ. Весь миръ, все православіе, вѣчнымъ почитая, воспоминаетъ благодареніемъ: кими похвалными послѣдному роду, даже и до днесь и во вся вѣки земли и небеси слава превозноситъ пѣснями, како не-

престанными твердь самой истинны церкви Божія уболажаетъ похвалами; но сіе всего подобіе въ лица сїятелства вашего, аки въ зерцали преславны дѣла, тщаніе и трудъ, не усы-
пающее о умноженіи благочестія богомысліе, не только истое сего подобіе и образецъ, но самое существо являютъ, и аки свѣтило послѣднему роду свѣтовидно изъясняютъ и пока-
зуютъ.

Прекрасная же и природная сїятелства вашего добродѣтель, милосердіе, яви себе миру паче полуденнаго свѣта. Егда сїй дивїй Остяцкїй и Вогулской народъ кротостію и благоразуміемъ прятяжа благочестію, власть бо ярости исполненна не возмогла бы быти, прывлекающая сихъ добродѣтель до таковаго повиновенія, дабы свое паче житіе возлюбивше оставилъ злочестіе, зане дивїй сей народъ трепетень, звѣроподобень, страха нетерпѣливъ. Бѣгство—обычное спасеніе его есть; не убы симъ воспланула ярость, како бы прежде объяти страхомъ скорое восприялъ быхъ покрывало, непроходимую пустыню, безденныя вертепы, мракъ и сѣнь пустынную, еже обычное ему отъ страха хранилище есть, аще бы не щедролубивая десница сїятелства вашего кротостію и благоутробіемъ прятяжала благочестію, удивленію и чудеси достойная, коль крѣпкая, коль сильная дѣйствова въ народъ семъ добродѣтель сія, народъ тако возлюби праотцы ихъ укоренное злочестіе, яко удобнѣе бытъ ему лишитися житія, ниже утатися злочестія своего; но милосердіемъ и милостынею сїятелства вашего толь побѣжденъ, яко свое паче житія возлюбивше остави злочестіе, наставленію же и повелѣнію сїятелства вашего тако повинуся, яко всего себе Божественному предалъ званію. Во истинну удивителнѣйшее превеліе украшеніе твое, свойственная добродѣтель сїятел-

ства вашего возбуди всего рода сердце, яко нѣсть здѣ въ
 всемъ роди еже твоимъ милосердіемъ непоробоцено и не-
 привлеченно повиновенію: побиждаешъ обычаи кроткими, вла-
 стителствуешъ обычаи благими, торжествуешъ и веселишися
 любовію гражданъ. О, благопріятное свышше дарованіе цар-
 ственной Сѣбѣры, согласующе существомъ вещи превисочай-
 шее имя сиятельства вашего; о, даръ благопріятный, о нео-
 цѣненное дарованіе, толикими свышше украшенно и напол-
 ненно добродѣтели, удивитися прочее и умогнуть подо-
 баетъ, ниже неисповѣдимой похвалы достойныя добродѣтели
 недоумѣвая произносити, нѣсть бо удобства могущаго пре-
 славныя добродѣтели, необъемлемое славы величество довольно
 изобразити, еже нынѣ снискалъ трудолюбнымъ тцаніемъ
 сиятельство ваше егда пореченій Іеремій честное нисвелъ
 еси отъ недостойнаго народа, и недостойныхъ достойныхъ
 сотворилъ еси Богу. Толикое убо безсмертіе славы твоея
 не толико на златѣ мраморы и кедры безсмертномъ, но
 небеси достойно и довольно изобразитися подобаетъ, кото-
 рое преславныхъ дѣлъ величіе, всенижайшій рабъ сиятел-
 ства вашего, егда і исторыческой дерзнулъ изобразити; вѣмъ
 неудобство мое, яко елико сѣнію свѣтъ мракомъ сіяніе
 вапы солнечную свѣтлость, толико скудоуміемъ моимъ изъяс-
 нить сія; о обаче сѣнію необъемлемый свѣтъ самыя пре-
 славныя дѣла сиятельства вашего, послѣднему роду паче
 полуденнаго просвѣтятся сіянія. Не усумнѣваюся же и азъ
 по обычному вездѣ являемому и всѣми прославляемому сія-
 тельства вашего благоутробію, удостоитися сего себѣ благо-
 пріятства, яко исполненна благости и милосердія десница
 сиятельства вашего не отрынетъ и моего неудобнаго и не-
 доволнаго сего приношенія, еже раболѣпнымъ преклоне-

ніемъ приношу. Паче же на сіе малѣйшее милостивыя своя егда обратишы очеса, не тако хитросоплетенныхъ словесъ високаго вѣщанія взыскатель восхоцешъ быти, яко присного простоусердія сего вниматель, имъ же присно желаю да общему спасенію, всенародному веселію, церквамъ Божіимъ умноженію, десница Господня умножая умножатъ долгоденствіе сіятелства вашего и свышше ублагословляя ублагословитъ Авраамовымъ благословеніемъ отъ рода въ роды, Давыдовымъ вѣнцемъ отъ силы въ силу, донели же трудъ и тщаніе сіятелства вашего о умноженіи благочестія достойнымъ небесныя славы вѣнцемъ увѣнчаетъ приснымъ усердіемъ желая.

ПРЕДОСЛОВІЕ КО ЧИТАТЕЛЮ.

Странникъ и пришлецъ Сѣвѣрской страны сей, въ ней же многая удивленію и чудеси достойная, множайшее изобиліе чудныхъ и преславныхъ вещей, наипаче обще всего мира достойную радость въ предѣлахъ сихъ утворъшеюся тебѣ, ласкавый читателю, предлагая несумнѣнно есмъ надеженъ благоприятный сихъ въ сихъ искателству твоему быти вѣстникъ. Удивленію достойная вспомянухъ, ихъ же и самовидецъ быхъ, не безъ твоего будутъ удивленія, аще и малѣйшая сія послѣдствующая благоусердіемъ, а не преди осужденіемъ изслидить и прозрѣть восхощешы, обращешъ зде, первое, удивленію достойная странное житіе и дивныя обычая прежде воспоминаемаго народа, иже своимъ селеніемъ удалися до полнощнаго лдистаго окіяна, и даже до самаго студенаго полнощнаго (его же и арктикусь нарицають) касается круга, идѣ же неудобное житію человѣческому селеніе особнѣйшимъ народу сему есть жылицемъ, толикого бо тамъ жестокого студени отъ лдистаго окіяну наполненъ воздухъ, яко всякимъ иностраннымъ незнакомъ, ужасенъ, зловредителенъ, народу же сему благоприятенъ, зане всегдашное ихъ тамо пребываніе. Иная же странная обычая—острое и скудное жытіе, прочая же, неудобъ

носимая и нестерпимая человѣческой природѣ — сему не въ тяжесть, но въ благопріятство носима суть. Толь убо острому житію прилежить народъ сей, яко аще бы не внималъ сему искуснѣйшаго любомудрца реченію, что налогъ и обычай вѣще могутъ самыя природы; вѣдѣвши толь жестокая и острая обычая, мнѣхъ бо яко чрезестественнѣ терпима и творима сія суть илѣ ино нѣкое крѣпчайшее всѣхъ естество человѣческое, но о жестокихъ сихъ многоглаголаніемъ дабы не ожесточило прѣлѣжнаго вниманія вашего, преди послѣдствуютъ прятнѣйшия о дражайшихъ и преславныхъ сего государства изобилій и богатствы извѣщенія. Паче бо сего, что всѣмъ еже на препитаніе человѣку изобилуетъ, государство сіе съдержитъ и прочее въ нѣдрехъ своихъ: различныя руды желѣза, мѣди, свинцу и прочая, отчасти серебра и злата, но паче всего сія царственная Сибѣрь, изобилная есть и многоплодная питателница вездѣ славимыхъ красотою соболей и паче сихъ дражайшыя; еще содержитъ черныя лисицы, яже своею красотою и драгостію превосходятъ цыну. Тоже и иная украшенія: горностаи, бѣлка и прочая разлѣчныхъ звѣрей.

Обаче надъ вся благопрятнѣйшая превожделѣнная вниманію вашему буди благовѣствуема радость, юже непостыжимый безмѣрною своею вся въ спасеніе человѣческое досели дѣлая въ предѣлахъ сего государства всемирно утвори радоватися, егда тмоу идолобѣсію здревле слѣпотствующий Остяцкій народъ въ свѣтлое благодати Божьей приведе боговидѣніе, еже обще всего мира быти веселіемъ свѣдѣтельствуеть свѣтъ истинны Евангельской, иже единого грѣшника спасеніе ангелскимъ и всего небеси истинствуеть быти торжествомъ, колми паче толико многотисящного численнаго народа отъ злочестія въ благочестіе обращеніе всю тварь, небо

и землю наполни веселіемъ, его же наполненіемъ и твоего благочестія напаяетъ сердце, сего ради не усомнѣваюся тебѣ, ласкавый читателю, и всимъ благочестія любителемъ благопріятный сихъ быти вѣстникъ. Единое ми толико предстоитъ сумнѣніе, да не буду осужденъ, яко не сладкословникъ, ниже высокимъ хитросоплетенныхъ словесъ украшеніемъ изобразихъ сія и всемирному дерзнухъ предать позорищу: обаче блюдохся, первое, да не хитросоплетеніемъ словесъ покрывшаяся сумнительна и неудобна сихъ истинна къ разумѣнію будетъ яже нынѣ простонарѣчіемъ свѣтовидно изявленна суть. Прочее же возры не такъ презирателнымъ высокорассужденіемъ яко благоутробіемъ на нынѣшное состояніе мое, еже благосердно увидѣть кто сочиненія сего творецъ. Узришь, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ, его же не желаніе любопытства ниже о всякихъ вещехъ искательство виденія въведе сѣмо, но брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволи; неволя же, общее пріятелище многихъ узниковъ, жилище и ужилище, царственную показа Сибѣрь, въ ней же пребываніе мое и самое состояніе неволи яви творить, яко не о хитросоплетеніи риторского добровѣщенія время удобно упражняться, но повседневно обученіе. Скорбь, печаль, тѣснота, нищета, слезы, въ нихъ же что умъ можетъ — ясно стихотворецъ показываетъ:

Пребѣдный, въ тѣсномъ пути егда пребывае,
 Свободу любящъ—разумъ всегда унывае.
 Печаль и скорбь—разуму есть смертное ложе.
 Смерть весь пребывая, ни двинуться може,
 Лежитъ яко мертва плоть сими умерщвленны,
 Слезми скорби разумъ наполненны.

И аще свойственная есть свобода и быстрость ума человѣческаго въ мгновеніи ока всю подсолнечную обходить, небес-

ныя переходити и непроходимыя бездны въ подземныхъ разсуждаты, обаче злключительное неволи состояніе на сего свободу и скорость возложы ужылица печаль и скорбь, отъ нихъ же ни черты единныя укоснуть свободно дадеса, но всегдашное дневное и нощное въ скорбехъ обученіе непроходимы предѣл сему полагається. Егда бо нощь объемлетъ, тогда неусыпающая мысль возбуждаетъ жалость и болѣзнь сердца, како лишихся паче всихъ любимаго отчества; како неволя наша, жестокий всихъ благъ разоритель, крайняя пагуба, не толико трудами снискавшая благая — чести и славы разоры, погуби, но и самое удобство снисканія сихъ младость вѣка тако погубляетъ и истребляетъ, яко мнится нѣсмь отъ человекъ, но червь и поношеніе симъ. Аще же сия съ нощю въ слезахъ угаснетъ и солнце исполнены радости день вводитъ, тогда царица злыхъ и корень бѣдъ и скорбей — ницета помрачаетъ умъ тмамы темъ, влагая темна недоумѣнія: отъкуду снискать горестныя пици; чимъ сохранитись въ сихъ полнощныхъ, мразныхъ и мрачныхъ странахъ отъ лютости мразовъ, и се учителница ума, паче же помрачающая тма, погибель благихъ, умноженіе злыхъ — неволя предложы повседневное уму обученіе и упражненіе.

Не дерзаю же излишнимъ мнѣ приличествующимъ плачевнымъ воплемъ наполняти ушеса ваша, ласкавый читателю, но вящшыя прежде воспоминаемой всемирной радости, юже Спаситель мира подалъ желанію вашему, вожделѣхъ быти вѣстникъ усердный, ему жъ душеполезной сіей радости и всякого благополучія желатель; молю же милостивно очесъ твоихъ на сия малѣйшыя труды обращенія, иже аще и не красны, ниже преизбранна, но обычному твоему благоутробию да будутъ прятна. За сия же воздаянія не иного молю, яко толикимъ воздыханіямъ моимъ едино малѣйшее свое присовокупить:

умолить могущаго возбудить отъ камене сыны Авраамля, да насъ снабдитъ скорбми, окамененныхъ и умерщвленныхъ въ настоящей неволѣ, о ней же приличествуеть сіе стиховъ написаніе:

Неволя ми смерть, се есть воскреснуть желаю.
Живо тѣло гробъ ми есть, всегда умираю.
Скорбъ и печаль тязцы умерщвляютъ,
Въ живомъ тѣло смертельнымъ прахомъ покриваютъ.
Но содержай сердце въ рудехъ своихъ, Боже,
Еже елико хочеть, сътвори ти може.
Преклони къ сей полезной страннимъ благостинѣ
Отъ плачевной глубины здѣшной палестинѣ
Возвести насъ, плачевныхъ странниковъ бѣдственныхъ,
Аки воскресить з мертвыхъ скорбми умерщвленныхъ.

ГЛАВА II-а.

§ 1. Сибѣрское государство содержится въ полнощной странѣ, по раздѣленіи математическомъ преодѣленно въ второй быти части, во Азіи; нѣцны же математики, иже предѣлы Европы великую рѣку Обь назнаменоваша, сіи начало сего государства полагають быти въ Европіи, предѣлы же своими простирается даже во Азію. По сихъ раздѣленію, и первопрестольный сего государства градъ Тоболескъ еще въ Европѣ содержится, обрѣтается же подъ градусомъ 57 и 30 минутъ широты, даже до студенаго полунощнаго круга.

Здревле государство сіе подъ областію Россійскихъ монарховъ обрѣтается; многолюднымъ же своимъ селеніемъ и пространнымъ предѣломъ многимъ европейскимъ государствомъ соравнитися можетъ, а яже въ предѣлахъ своихъ дражайшыя содержать вещи, сими многія превосходить государства. Предѣлы же своими прямо взявше къ полнощы касаются до лдистаго окіану, отгуду же къ востоку предѣлы ея содержать Мангазья, Турухань окончивается, даже до Камчатской

страны, юже вѣцше двадесѣти лѣтъ обрѣтше Россіане, покориша своему скипетру.

Въ предѣлехъ сихъ государство сіе содержитъ звѣрей дражайшихъ, различныхъ родовъ: соболей, черныхъ лисицъ великія и безмѣрныя драгости, иже нѣцци мраморами нарыцають, горностаи, бѣлка и прочая звѣры, яже инныя европейскія государства не имѣють; симъ паче и иныхъ преславно изобиліемъ, и не только всю Европу, но Азію, Китайское и инія государства довольно симъ изряднымъ украшеніемъ наполняютъ, обаче предѣлъ тотъ аще и дражайшыя содержитъ вещи—безплоденъ есть, и земля во многихъ тамо мѣстахъ никакихъ плодовъ земныхъ не произноситъ, зане вся вѣцше прилежитъ студеному кругу, и ничто же яко дивое зелія прорастити можетъ. Премногими же предѣлъ сей изобилень рыбными ловли, ими же недостаточество въ пици вспомагаетъ изобиліемъ разныхъ родовъ рыбъ и звѣрей, иже сими питаетъ жителей своихъ и до зѣла удовлетворяетъ.

Къ западу простирается предѣлы своими даже до степей Мунгалскихъ, Конташынныхъ и Аюкиныхъ, иже называются именемъ тамо владычествующихъ надъ собою князей, яко же отъ Контайшы—Контайшины, отъ Аюки—Аюкины нарыцаются степы. Въ сихъ предѣлехъ исполнено государство сіе изобиліемъ плодовъ земныхъ, самородной по езерамъ соли, довольнымъ умноженіемъ скота. Къ полудню предѣлъ содержитъ Иркутскъ и Селенга, иже прѣсѣдитъ надъ нѣкою отногою морскою, только пространною, юже здѣшніе граждане великости и глубокости ради и содержанія звѣрей морскихъ, нерпы и прочая, нарыцають Байкалъ море; за симъ Нерчинскъ градъ, а напредъ Якутскъ предѣлы своя съ Китайскимъ государствомъ окончиваетъ. Сей убо предѣлъ преизобилень

земного многоплодія соляныхъ озеръ и изобилныхъ рыбныхъ ловлей, преизобилное умноженіе скота и на препитаніе челоувѣческое всякого доволства, а понеже до славныхъ Китайскихъ приближается стѣнъ, содержать съ тѣмъ славнымъ государствомъ Китайскимъ вся торговля промыслы, премѣнная товары своя сибѣрскія: соболи, горностаи, бѣлку и прочая. Оттуда же превеликія богатства золота, серебра, драгихъ камней, шелковыхъ парчей, сосудовъ каменныхъ избранныхъ и прочая.

В семь полуденномъ предѣлѣ и въ своихъ нѣдрѣхъ земныхъ содержать разлѣчныя руды желѣза, мѣди, свинцу. От частей же руду содержатъ серебра и золота.

§ 6. Особнѣйшыя же вещи, еже паче иныхъ государствъ въ нѣдрѣхъ своихъ имѣеть съ премногимъ удивленіемъ, всякому искателю достойна суть видѣнія.

Содержить государство сіе въ нѣдрехъ своихъ земныхъ: кости доброты и красоты единныя съ костми слоніевыми и вѣщше, зане слоніевая кость иногда отъ горячности каковой желтѣеть, но сія никогда чистости и бѣлости не премѣняетъ; великостію знамениты, бывають бо длиною въ три аршина и три четверти, толщиною въ четверть и вѣщше, подобіемъ же аки роги якія.

Обрытаются сія найпаче въ предѣлахъ полунощныхъ, иже прилежать ко лдистому окіану, въ Березовѣ, Обдорѣ и въ Туруханскомъ, найпаче въ Якуцку, обычно же взыскуются при морскихъ брегахъ и мѣстцахъ песчаныхъ здѣшнія палестыны. Граждане обще нарицають кости сія маманта звѣра нѣкоего земнаго. Но о немъ различно разумѣють: глаголють же нѣцыи звѣра сего быти земна, иже влагою земною живетъ и въ пещерахъ земныхъ обрѣтается: найпаче въ влаж-

ныхъ; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зѣло, и глаголють, яко егда кѣмъ случаемъ пещера его опадеть, и изыдетъ на воздухъ, въ влажною же скоро не обратится пещеру, тогда воздухомъ скоро убивается и погибаетъ и тако оставляетъ кости. Нѣцыи хотящїи повѣствуемая достовѣріемъ утвердити тако подобіе его изъясляютъ быти: высокою трехъ аршинъ, длиною пяти аршинъ, ноги подобни медвѣдя, роги оныя крестообразно сложени на себѣ носяща, и егда ископываетъ пещеры, тогда согибается и простирается въ подобіе ползашаго змія. Нѣцыи сему противно разумѣють и глаголють не быти существомъ, звѣра сего мамонта, кости же сія мнятъ единороговъ или иныхъ нѣкихъ звѣревъ морскихъ, во время потопа Ноева водою нанесенная и осохшая на земли, древностию же въ землю вселшася. Но се тщетное разумѣніе, зане кости сія нѣкія обрѣтаются: зрачныя, свѣтлыя, чистыя, ветхостию не ислѣнна, множество же по всяко время собирается, коея бы ради вины вода толикое множество во едину палестину собрала. Разумѣти же тако: не земля ли естественнѣ и самороднѣ отъ себе производитъ кости сія, зане по зданїи Любомудрецовъ земля еже выше себе производитъ тожде въ нѣдрехъ своихъ иногда произносить, яко содержитъ верхъ себе соль: мѣеть же ю въ нѣдрехъ своихъ. Извѣстїе же се является въ странахъ государства Англичанскаго, яко земля въ нѣдрехъ своихъ произносить древесна, яже жительствующїи тамо повседневно изобрѣтають и недостаточество свое въ дровахъ помогаютъ и огрѣваются сими; но се разумѣніе инымъ не довольно. Иногда бо роги сія глаголють яко изобрѣтають з гноемъ съ кровїю смѣшеннымъ и въ корени наполнены, еже есть знаменїе нѣкоего животна, а не толико роги, но и кости прочая: ребра, главу и ноги изобрѣ-

тають: костей бо сихъ самовидцы быхомъ; но отъ животнаго ли сія суть или отъ внутрности своихъ земля самороднѣ произносить, или звѣрей нѣкихъ морскихъ, зане всегда при берегахъ мора окіяна обрѣтаются,—для различныхъ и прекословныхъ вѣдѣній, своимъ вниманіемъ ничесоже не утверждаемъ: имъ же дадеса отъ премудрѣйшаго всея твары Творца, вѣще разумѣти ихъ, свободно вниманію и разумѣнію да будутъ сія.

Г. Горы каменныя въ государствѣ семь обрѣтаются превсочайшыя, иже произносить въ нѣдрехъ своихъ самородной хрусталь, слюду чисту; а найпаче наполненные толико каменемъ магнитомъ, яко довольно жители здѣшніи отъ сего хитростнѣ испущаютъ желѣзо, еже чистотою зѣло израдно, избраннѣйшія же отъ него сосуди литія утворяють. В сихъ горахъ изобрѣтають врачебное, еже здѣ нарицають масло каменное, се подобіемъ есть зѣло растворително въ водѣ, или въ какомъ иномъ питіи; вкусомъ содержитъ квась и слажность. Здѣшніи граждане употребляютъ піюще его на вся недостаточества и болѣзни утробныя, и силу помоществующую въ томъ узнають. Тожде отъ врачебныхъ зелій земля сія износить зеліе, обще всѣмъ гражданамъ страны сея добротою и силою извѣстно и славимо есть, нарицають же зеліе сіе звѣробоя: имѣеть цвѣтъ жемчужный и силу содержитъ уврачовати всякія побои и уrazy, и зѣло въ томъ славимо есть.

Д. Москусь здѣшній граждане нарицають мскусь: сей всю Европу благовоніемъ своимъ улаждаетъ, найпаче сіе государство симъ довольно наполняетъ: близко предѣлъ сихъ, найпаче въ предѣлахъ Бухарскихъ и Китайскихъ, звѣрь сей содержащій во утробѣ своей драгость сію пребываетъ. Подобіемъ же глаголють быти звѣра сего козлу дику, иже въ

степяхъ дикихъ обрѣтается, зѣло же безмѣрной легкости и опасенія и не скоро удобенъ впасти въ руки промышленникомъ, и толико во время весны улучаютъ, смѣшенія бо ради бѣгая по степамъ утрудится: по обычаю же природы своей егда уснути хоцетъ, главу свою въ животь подгибаетъ, иначе носъ свой прамо въ пупъ влагаетъ и усыпаетъ, и въ то время улучаютъ промышленники удобно сего убити. Убивши же изимають пупъ сей, содержащій таковое благоуханіе, иже вѣще въ время сіе наполняется благоуханіемъ, и сими дражайшими вещми сіе украшается государство.

Ѣ. Многолюдствіемъ зѣло довольно государство сіе различныхъ родовъ и дивныхъ языковъ, отъ нихъ же мнози суть безвѣстны въ Европѣ, яко: Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самоядцы, Брацкіе Мужики, Пѣгая орда, Киргизы, Калмыки и прочая въ совершеннѣй и совершеннѣйше о семъ государствѣ и жителствующихъ въ немъ народовъ извѣстіе древнѣйшаго нѣкоего о семъ государствѣ писателя приводимъ свидѣтельство, еже есть тако.

Ѥ. Сибѣрская полунощная страна отъ востокъ, отъ царствующаго града Москвы растояніемъ съ три тысяци версть; облежитъ же камень превсочайшій, яко стѣна, и толикія высоты, яко инымъ холмомъ достигати до облакъ небесныхъ. На сихъ же превсочайшихъ холмѣхъ растутъ различная дровеса, кедри и прочая, въ нихъ же и многоплодни умножаются звѣріе розличныя: иные угодны въ снѣденіе чловѣкомъ, инныя же толико на украшеніе и одѣяніе прилично. Премудростію же всея твары Творца изъ сего камня сладкіе воды изыдоша, и потекоша рѣки, инныя къ Россійскому государству, а инныя въ Сибѣрскую страну: еже есть первал Тура, по сей жительствоють народы Вагуличи, языкъ свой

особный имѣющъ, содержатъ зловѣремъ поклоненіе идоломъ. Въ Туру впадаетъ рѣка Тагиль; другая Ница, и за едино совокупленна. Обаче нарицаются первымъ именемъ Тура, первенства ради. Отсюда входитъ внутрь Сибѣрскія страны; по ней же жьтєлствуютъ Татарє; впадаетъ же въ рѣку Тоболь, Тоболь въ Иртышъ, Иртышъ въ великую рѣку Обь. Но надъ сими всѣми рѣки жьтєлствуютъ языцы: Татарє, Башкири, Калмыки, Пѣгая орда, Остяки, Самоиды и инныє невѣдушія Бога, и много различнаго зловѣрія. Татарє злочестіє Махомета ново содержатъ, а инныє идолопоклонницы. Калмыки пратець и старѣйшихъ уставленіє и преданія содержатъ, въ зловѣрія идолопоклонническомъ. Самоиды, Пѣгая орда, Остяки поклоняются идоломъ и боготворять руку дѣлъ своихъ, чающе отъ сихъ благоприятіє имѣть и содержаніє житія своего: и ничтоже ядятъ прилѣчно ястію человѣческому, но вся мяса суровыя и кровь пьютъ, яко же воду. Доселѣ суть сего древнѣйшаго историка извѣстія о семъ Сибѣрскомъ государствѣ.

§. О древнемъ же правленіи сего государства воспріаша вѣденіє и отъ летописцовъ татарскихъ, яко здревле правительствовашеся князми зловѣрія махометанска, и первовладѣчествующій престоль ихъ баше на рекѣ Ишими, иже въ Иртышъ впадаетъ. Первый же князь, названный, Онъ, властительствоваше на Ишими, иже отъ никоего своей власти подручнаго, именемъ Чинчина, убієнъ бысть. Наслѣдникъ же престола отча, сынъ князя Она, именемъ Тайбака, отъ убійства Чинчинова нѣкими рабы своими сохраненъ, и житіє свое на долзѣ укрываше блюстителствомъ рабовъ своихъ, донелѣже пріємъшы хищеніємъ престоль Чинчинъ владичествуя симъ увѣда, яко Тайбука, сынъ Она, еще въ живыхъ сохраняется; посла съ честію и любовію снискать сего

и привести во дворъ свой, идѣ же Тайбука являшеся Чинчину яко добронравенъ юноша, сниска себѣ такову у Чинчина милость, яко ему всю первоначалну власть надѣ своимъ вручи воинствомъ. Тайбука же нетще содержаа власть и правленіе надѣ воинскими силы, пойдѣ съ силою воинства по Иртышу и по великой рѣки Оби, и многія тамо оружіемъ Чудскія народы изби и покори властителству Чинчинову; и сей перво введе и разшыры въ предѣлахъ сихъ полуночныхъ власть княженія зловѣрыя махометанска. За трудъ убо свой и вѣрность Тайбука умоли Чинчина особная себѣ отгвѣсти предѣлы; сего же прошенію соизволи Чинчинъ и отпусти Тайбуку, аможе хоцетъ. Онъ же избра себѣ селеніемъ положитися своимъ на рѣки Туры, и тамо со улусы своими сѣдше постави градъ (идѣ же нынѣ Тумень), нарекъши онъ Чынчидинъ. Умершу же безъ наслѣдія Чинчину оста все владѣніе и княженіе Тайбуки, и владычествоваше онъ на долѣѣ умре. По смерти Тайбуки власть прыемъ сынъ его Ходза, по немъ сынъ его Маръ; сей воспрятъ въ жену себѣ Казанскаго царя Упака сестру, отъ нея же имѣ два сына, Адерь и Абалакъ. Но сіи свойственною и обычною смертію погибоша: толико оста Адерево наслѣдіе сынъ Магметъ отца же ихъ Мара; а зятя своего царъ Казанскій Упака уби и повлада все княженіе Сѣбѣрское.

й. Откуда наречеса государство сіе Сибѣрское, извѣстіе вѣдцы тако предлагають. Сынъ Адеровъ Магметъ возделѣ свое прятати наслѣдіе отъ руки убившаго отца его Мара, пойдѣ бранію съ единомысленники своими на убійцу отца своего, царя Казанскаго Упака, и побѣдивши смертію погуби его. Владычесто же свое воспрыемъшы градъ свой Чинчидинъ разрушы. Преселижеса оттуду и пойдѣ внутръ Сибѣр-

скія земли и постави на рецѣ Иртыши градъ и нарече Сѣбѣръ. Устави же граду сему бити первоначалну и царствующу граду: отъ него же, яко первоначалнаго и царствующаго града, и вся страна проименовася Сибѣръ. Обладающу убо симъ княженіемъ на долзѣ родъ Магметовъ до четвертого наслѣдія, донелиже приде отъ Козачей орды Кучумъ Мартазиевъ и покори оружіемъ своимъ подъ область свою все княженіе, а наслѣдіе Магметово искорени, погубивши царствующихъ князей Сѣбирскихъ Етичера и Бейбулата; толико бѣгствомъ спасеся сынъ Бейбулатовъ, иже убѣжа въ Бухарію; Кучумъ же первымъ наречеся царемъ Сибѣрскимъ, и высокоумнѣ владычествоваше, послѣднимъ же престолу сего бысть всевышнимъ бо сего устроеніемъ, иже престолы сильныхъ сокрушаетъ; въ немощи же всемогущества своего изъявляетъ силу—на семъ Кучумѣ нача окончевати зловѣрныхъ царей во Сибѣры владычество: благочестивому же православно Россійскому отселѣ вручися скипетру. Ибо

ѧ. Ермакъ яткій, Тимофѣевъ сынъ, перво преjde од Дону на рѣку Волгу и тамо упражняшеся разбоемъ, многія иностранныя люди, персидскія, кизылбашскія купци и прочая разораше, отъ сего государствамъ купческія промысли і прибыли разорэхуся. Между же государствамъ нестроенія, смущенія и миру разоренія зачинахуся, казни же на таковыхъ отъ Россійскаго государства налагаемыя бяху. Надлежащей убо близъ себѣ казни и сей Ермакъ убося, бѣжа съ единомысленники своими въ Часовую рѣку, сією же вьныя рѣки, ими же внутрь Сибѣрскія земли текущими вніде, воднымъ плаваніемъ внутрь Сибѣрскаго царства, и малою дружиною в пяти стахъ и сорокъ человекъ силнаго сего Сибѣрскаго царя Кучума побиди и изгна отъ престола. Пооблада

же Сибѣрское царство, видя же себе маломощна толику сильного государства десницы своими содержать тяготу, наипаче искаая преступленію своему прощенія и милости государей Московскихъ, покори его Россійскому скипетру во дни правящаго Россійскимъ престоломъ царя Іоанна Василіевича, иже прятъ подъ область свою отъ воплощенія Сына Божія $\text{M}^{\text{D}}\text{CCLXXII}$ году. Отселѣ нача и расширатися Россійскимъ правительствующимъ скипетромъ сія страна.

І. Тогда же крѣпкому и страшному въ странѣ сей Ермакова оружію повинуса княжикъ Остяцкій, именемъ Бояръ: подъ область Московскихъ государей приведе всю свою обладающую страну, о ней же намъ вѣщше предлежеть извѣстить. Пространнѣйшая обще о Сибѣрскомъ государствѣ объявленія оставляемъ, мняще быти сими доволнымъ желательному сихъ искателю. Хотящему же вѣщше извѣстится въ особнѣйшихъ гисторіографахъ да обращеть, мнѣ же толико повелѣніемъ вышшей власти преодѣленно Остяцкую сію страну извѣстну явити миру. Егда прежде тмою невѣрія кумирслуженія помраченную видѣвши, нынѣ же просвѣщенную свѣтомъ истиннымъ Евангельской и толикой роду сему благодати Божией, свѣтлое явися познаніе, яко древнимъ невѣрьемъ слѣпотствующему дадеся съвышше узрѣти немерцающій свѣтъ и познати истиннаго Бога всея твары Творца.

АІ. Страна убо сія Остяцкая начынаеть предѣлы своя не в далекомъ разстояніи отъ перваго престолнаго града въ государствѣ Сибѣрскомъ Тоболска, идѣ же Тоболь рѣка (отъ нея же и Тоболскъ градъ наречеса), сопедшеса съ рѣкою Иртышемъ, въ едину протоку происходитъ въ велику рѣку Обь. Первое убо по надъ Иртышемъ страна Остяцкая начынаеть селеніе свое яко тихимъ плаваніемъ въ трехъ днехъ

отъ Тоболска достигається, простирається же по Иртишу даже до устья, идѣже впадаетъ въ великую рѣку Обь; оттуду распространяється своимъ селеніемъ въ верхъ по Оби даже до Нарима, а яже внизъ по Оби вземше въ широту страну сію обдержыть селеніемъ своимъ. Многія рѣчки, иже прямо отъ востока приходятъ въ Обь, сія же суть Куновать, Полунь. Вся же сія исполнена многолюдствіемъ народа сего. По другой же сторонѣ прямо отъ заходу Обь, Сосва, Лалинь, Конда; идѣже предѣляютъ Остяцкую страну Вагуличи; внизъ же прямо по Оби, даже до Березова и до Обдоры и до самаго устья Оби, сей народъ обдержитъ селеніемъ; тамо же предѣляется Самоѣдъ, на самомъ устьи, идѣ же великая сія рѣка Обь впадаетъ въ морскую губу, юже нарицають здѣ Тасовскую.

Ѣ. Губа Тасовская зѣло есть пространная, льды многими искони наполнена, яже зрятся аки превѣсочайшыя горы, никогда же и лѣтнего времени теплотою солнечною свѣшше не распушаются, но искони и вовся тако пребываютъ, иногда мало сокрушаются волнами и вѣтры носимы по широтѣ губы сей морской, зане пространну сію великія рѣки Оби и прочая наполняютъ и распространяють, сія бо здѣ и прочія рѣчки въ едину губу сію собираются Пирь, надъ имъ Тасъ, отъ него же и Тасовская губа наречеса.

Г. Преодѣляетъ же губу сію отъ мора окіана каменя, иже между собою попусти быть губѣ сей, и сходитъ въ самое льдистое окіанъ море, еже прямо исхода сего нарицають латинскі фретумъ, греческій Босфорусъ. Сіе есть утѣсненіе мора, зане отъ губы прилежитъ камень, а отъ другой страны утѣсняетъ новая земля, льды же отъ обоихъ странъ превѣсочайшыя простираются по окіану: отъ полунощи къ

востоку на сто и вѣцше миль, яко и самыя далныя Камчатскія страны иногда вѣтромъ носимы досязають. О льдахъ же сихъ исконныхъ разумѣють здѣ нѣцци бити та неглѣнна, иже никогда не истлѣвають, но се неудобна, ниже могутъ быти сіе: аще бы было тако, то искони отъ созданія мира отъ влаги и свѣжнаго сліанія, мразомъ счиняемая, превознеслися бы висотою самыхъ досязати небесъ и толикою великостію воспяли бы исходищамъ воднымъ входы. Но по вседневнымъ искусствомъ зрымъ умаленіе и умноженіе здѣшнихъ рѣкъ, и посему разумѣется лдомъ симъ истлѣвати и окончатися отъ воды самыя; се же ясно зрымъ яко внутри себе вода ледъ погубляетъ, — егда бо мразное что въ студеную полагается воду, тогда вода свойственную себѣ влагу и студень вытягаетъ и истребляетъ ледъ, тако и здѣ; а може глубочае лды сіи отягченны впускаются въ воду, толико вода влажностію своею студень и мразъ отъемше самый ледъ, истребляетъ, и такимъ видомъ разумѣется умалятися лдамъ симъ, аще не съ высоты, обаче снизу, отъ воды умалются оныя, такъ на губѣ морской, яко на самомъ утѣсненіи окіанъ мора.

дї. Къ сему утѣсненію морскому прилежащую новую землю аще и многія совершеннымъ извѣстіемъ провѣдать желажу, обаче зѣлной ради стужи и жестока убивающаго тамо воздуха не возмогша; мнози же аще и дерзнуша сего искусити — погубоша: Остяки, Самонды касаются предѣломъ ея. Обаче оныя глубочае внутри ея вступити не дерзнуть и не возмогутъ. Аще же и близъ ея касаются и тамо для промыслу на звѣры бывають, идѣ же всякаго звѣра премногое доволство: песцы, елени и прочыхъ звѣрей, множество же костей рыбѣихъ промышляють. Обаче сего полунощнаго отъ тоя новыя

земли исходящаго вѣтра съ великимъ опасеніемъ тамо пребывая блудутся, и егда узнають исходяща, тогда прежде исхода укриваются въ нѣкія пещеры, вертепы и ямища, идѣ же не такъ жестокостію своею досязати можетъ, исхода же его преди узнавають—частымъ тамо пребываніемъ обыкопа; аще же не сокрившаго обращеть, тогда всего жестокостію своею объемлетъ, поражаетъ и убиваетъ.

ѣі. Аще же въ сей новой земли жительствоеть разумное человѣческое созданіе, несогласно глаголють о семъ: инны самовидцы оныя земли глаголють видѣти созданную человѣческую красоту, гласа же не слышали, ниже розговоры каковыя имѣли, толико зрѣніемъ очесъ аки стѣнь человѣческую видѣти досязаша; инны же тоеяжде земли самовидцы противовѣщають и инако свѣдѣтельствують быти сему, дабы жителствовать могла тамо разумная тварь. Се же и по самомъ естеству мнится неудобно мѣстце житію человѣческому; но сія неудобно вѣдѣнію оставше, паки до подлежащей обращемъся Остяцкой страны и о народѣ семъ, откуда въ ся страны внійде.

ѣі. Егда отъ древнихъ начали и происхожденіи и инныхъ какихъ, аще и знаменитыхъ миру народѣхъ взыскуется, удобнѣе бываетъ въ недовѣдомую безвѣстія входити пучыну, ниже кое о древности ихъ изъяснити вѣдѣніе древностію, бо аки тмою покривается, аще и писменны аки свѣтили миру древняя изъясняютъ и показываютъ; но сихъ мнози народы прежде не имяху, но послѣднимъ временемъ та ізобритоша, колми наче о семъ дивѣмъ народѣ и о ихъ древнѣйшемъ происхожденіи неудобно получить кое древнѣйшее извѣстіе, зане и доселѣ сіи писменъ никакихъ не имѣють, иностраннымъ же гисторіографомъ аки укрыть и утаенъ бѣ въ пустынныхъ сихъ селеніяхъ народъ сей. Ясно же является, яко не сей перво-

началнѣ жителствова въ сихъ палестинахъ народъ, но отъ инуды иныхъ преселися здѣ: здревле бо здѣ внизъ по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ Чютцкій. Но сей тако погибе, яко ниже вещь какову памяти своей остави, толико осташа знаменіе пагубы ихъ нѣкая ямища, иже обрѣтаются въ сихъ странахъ Сибѣрскаго царства. Въ сію же погибель низведе ихъ искони чловѣкоубійца врагъ, ослѣпи бо я злѣ вѣровати нѣкое во ономъ вѣцы уготованное имъ съ боги пірованіе, его же омраченны лестію сердца желающе созыдаху себѣ ровы нѣкія пространныя, верхъ же полагаху кровлю на столпѣхъ, на ню же множество земли и каменей налагаху, егда же поощраше лествъ сердца ихъ преселитися на иный вѣкъ, и ускорится пировать съ безстуднымъ многобожіемъ, тогда со всѣмъ своимъ имѣніемъ домовники и чады собра вся во оныя ровы въходятъ и подѣкше столпы землею и каменіемъ убиваются и нисхождаху путемъ темнымъ во тму кромѣшную и въ вѣчное въ мѣсто пірованія мученіе. Досели же жители странъ сихъ въ тѣхъ ровищахъ и курганахъ знаходять премного златыхъ сосудовъ и сребра множество и прочая, зане со всимъ имѣніемъ своимъ убивахуса и частію же сею пагубою, частію же Татарскихъ князей, на Ишимѣ владычествующихъ, яко Тайбуки і прочихъ, о нихъ же прежде воспоминахомъ, оружіемъ избіены: тако погубоша яко не толико достойная кая вещь памяти ихъ, но ниже языкъ оста въ нарѣчіе послѣднимъ родомъ.

Зі. Како же по сихъ сей Остяцкій народъ въ сія вселися страны наченше отъ дни святаго Стефана Великія Пермы епископа—извѣстно есть: сей бо первый проповѣдникъ и просвѣтитель во тмѣ невѣрія, великой Пермы бысть яко солнце свѣтомъ боговидѣнія тму нечестія и скверну идолобѣсія отъ

странъ Великія Пермы начать прогонити, тогда мракомъ идолскимъ одержимыя Пермяне свѣта истинны евангельской благодати Божіей бѣжаша въ сія полунощныя страны, укривахуся zde, гдѣ и доселѣ съ тмою идолобѣсіа пребиваху.

Се же извѣстно есть и отъ повседневнога, яко сей народъ отъ Пермы преселися, зане и языкъ ихъ явѣ творить, вси бо сіи пермскимъ глаголють нарѣчіемъ, аще же не всѣ свойственнымъ и непремѣннымъ нарѣчіемъ Великія Пермы глаголють, обаче се бысть егда умножишася сіи людие по преселеніи своемъ отъ Пермы и разыдошася здѣ по различныхъ тѣхъ странахъ, измениша и языкъ свой: едины бо, иже по Иртышу селенія своя имѣють и всегда обхожденія имѣя съ Татараы, измениша языкъ свой пермскій и премѣниша татарскому нарѣчію; друзіи же, иже по Оби вверху яко въ далныя разстоянія отъ своихъ удалишася и имѣя обхожденія съ различными народы съ Калмыки, Пѣгою орѣдою и прочими, сіи зѣло измениша языкъ свой, яко мало что съ пермскимъ согласуютъ нарѣчіемъ, и съ великою трудностію едины другихъ между собою нарѣчіа заледво узнати могутъ, и то мало что.

Сіи же, что внизъ по Оби, непремѣннымъ глаголють нарѣчіемъ пермскимъ, зане сіи егда чрезъ Камень, иже отъ Пермы прилежить, преидоша, тогда не в далнія страны удалишася отъ Пермы, но близъ предѣлъ оныя пребываютъ, и всегдашнія съ оными имущи обхожденія, сохраниша неизмѣнно языкъ свой пермскій, имъ же аки явственнымъ свидителемъ извѣстно является народу сему отъ Пермы произыти. Удивленію же есть се, яко въ томъжде языку многа имена латинска обритаются, и едино значить, что і у Латинъ помень юва глаголють — прійти въ помощь: у Латинъ же тожде знаме-

нуеть помози; но чего ради свойствіе различныхъ языковъ египтскихъ нарѣчійхъ обрѣтается—безвѣстно есть.

Ѣ. А же не Пермь, но Остяки, здѣ страна сія ихъ названа, мнѣтся быти: яко отъ Россіянъ сіе наложися имъ званіе, оны бо нарицають себе Хондія, или яко нѣцы глаголють — Кондія, страну же свою Хондымыхъ; вина же званію ихъ Остяки: первое мнѣтся быти во время егда отъ свѣта благодати Божіей и крещенія святаго, во дни святаго Стефана Великія Перми епископа убѣгоша, тогда Россіяне, видѣвше ихъ идолюбсіа останки, укывшіися изъ Перми, нарекоша ихъ Остяки, аки бы останки; второе же мнѣтся быти и се, яко же вси здѣшніи полунощныи народы отъ обыкновеній своихъ нарекошася сыродцы—отъ сыроденія, тако и сіи отъ нравобычая своего, зане народъ сей упражняется рибою и отъ повседневной сѣи пици ничто же вѣще сущу во устѣхъ ихъ, яко ости рыбныя, отъ нихъ же мнѣтся быти яко названіе се Остяки, і наложиша Россіяне.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О житіи, обыкновениі гражданства и прочихъ.

А. Народъ сей въ житіи своемъ нерадивъ, необыченъ мнится быти, аки послѣдній отъ людей всего мира: обаче подобенъ лицезрѣніемъ красотѣ народомъ европейскимъ; ниже бо звѣрообразенъ, ниже коего черностію одержимъ, яко прочія народы: Ефіопы, Калмыки. Возрастомъ знаменитыхъ немнози обрѣтаются, но среднѣ возрастомъ; очесъ малыхъ, легкостію знамениты, въ крѣпости славимы немнози. Зѣло же простъ и гражданства всякого чуждъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ наченше отъ первыхъ предѣлъ житія ихъ.

Б. Аще обще единъ есть путь всѣмъ родитися, внити въ миръ и прейти отъ мира, обаче при такихъ случаяхъ, различныя народы разныя имѣють обычая: иная по закону, яко иудеи и махOMETане прирожденныи, обрѣзаніе имѣють; иная же и гражданства, уставы обученія и обхожденія, пированіе и иная знаменія радостная; но сей народъ ниже законная, ниже гражданская употребляетъ обычая: егда имъ родятся чада, тогда бѣдствующій невѣжа Остякъ недоумѣвая родившемуся отрочати наложить имя и наректи е, но исходитъ отъ дому своего, искаая путь шествующихъ въ близкости себе

христiанъ: иногда по случаю обрѣтши, молитъ я назнаменоватъ родившееся какимъ именемъ, и посему множество случыся зрѣти русскими именами нарицающихся въ своемъ ихъ зловѣрiи. Егда же случай недоумѣнiю его не подаетъ помощи умолити изыскать себѣ у каковыхъ людей имени, тогда что первое узреть изшедши изъ дому: птицы, звѣри или что ни будь, тѣмъ именемъ родившееся нарицаеть. Имѣютъ и сей въ недостаточествѣ обычай, яко по числу рожденiя нарицаютъ своя чада: первый, второй или третiй сынъ, женскому же полу никакихъ именъ на налагаютъ; егда же въ супружество прыемлетъ, тогда налагаются имена ей своимъ нарѣчiемъ: анка, се есть жена.

Г. Жены ихъ имѣютъ при рожденiи своемъ аки бы законное уставленное, еже восприяша отъ правообычаевъ старѣйшынъ своихъ: имущая бо близъ время родити исходить отъ общаго жилища и входитъ въ нѣкую особную хижину, идѣ же мужескъ полъ не имать входить; егда же родить, тогда три недѣли и вяще должна въ ономъ пребыванiи удержатися не входя тамо, идѣ же мужескъ полъ пребываетъ; окончавше же время надлежащее, огнь возгнѣвши вмѣсто очищенiя, чрезъ оный трыжды прескочивши входитъ въ общее пребыванiе мужа своего.

Д. Аще обще всему миру десница Вышняго предустави предѣлъ въ болѣзни родити чада, здѣ тояжде всемогущества Его десница призри рода сего. Острѣйшее и нужднѣйшее паче естества человѣческаго житiя мнитъ, яко снабди і облегчи тяжесть сiю. Жены бо ихъ обремененны, иногда зимнего времени (яко здѣ подъ студенымъ кругомъ зѣло люта зима бываетъ), принужденны нѣкоихъ ради нуждъ отъ жилищъ переходити на инныя мѣста. Случаетъ же ся путь шествующимъ ро-

дети на пути, но симъ препятіямъ недугамъ не удержыть пути своего: рождъшееся отроча и болѣзнь въ рожденіи тогожде часа снемъши отъ земля, отерши снѣгомъ, идетъ въ подлежащій путь. Отроча же полагаетъ себѣ къ грудямъ за одежду, еже есть налимніи кожаны, изъ кожи рыбы, нарицаемой налимъ, обычно утворааетъ себѣ; толикой же есть теплоты одежда сія, елико бы на жестокомъ мразѣ безъ инныя одежды содержыть теплоту холстяная рубашка; егда убо и паки отъ жестокихъ вѣтръ поражаемо отроча начнетъ вопити, тогда и паки въ снѣгъ повергши отираетъ и тѣмъ облегчеваетъ жестокость мраза и вѣтровъ. Симъ же і обучеваетъ во острое і жестокое житіе, яко сіе добръ истинствоватися можетъ. О обыкшихъ терпѣнію, не бываетъ терпѣніе, и вѣщше нравъ і обычай, неже самая природа можетъ.

ѣ. Простъ и дивный народъ сей вѣщше правообычаемъ своимъ звѣроподобенъ, чуждается, отбѣгаетъ всякого обхожденія съ иными гражданы, обыкль вѣщше въ пустынныхъ обитати мѣстахъ, иногда бо едина, иногда двѣ юрты, еже есть жилища ихъ, въ пустомъ поставляютъ мѣстѣ; бываетъ же и множество юртъ въ собраніи: обаче сихъ что близъ селеній градовъ Тоболска и протчихъ обитають, и имѣя селенія своя, съ гражданы мало что обычны; а яже въ далнія страны и пустыя удалишася, сіи зѣло дивіи. Обще же всѣ никакихъ писменъ и ученія не имѣють, ниже прыемлють, сего ради ниже уставленія какова, ниже законоположенія содержать, но правителствуется естества закономъ, иже есть природное познаніе зла и добра, и сими противно себѣ дѣло узнають, зло и неприлично. Содержать же твердое основаніе естественнаго закона, междуособное друголюбіе, на семъ бо законъ естества содержится, зане же искореняетъ друголюбіе,

разораеть твердь есттвеннаго закона, яко же убійство и инная противозаконная искореняють друголюбіе, разораеть твердь есттвеннаго закона. Но сей народъ остяцкій добрѣ хранящи есттства законъ и многія на семъ утверждаху добродѣтели, не слышится убо между има крадежь, убійства и инныхъ обидь другъ другу содѣвающихся: однако же, не безъ злоключенія каковаго, приклячается бо иногда противозаконная, но на таковыхъ творащя зѣло жестокой и отъ среды себе извергають.

5. Паче же всего мнози хранящии суть истинну иногда бо нуждъ ради своихъ одолжается нѣкоему заимодавцу, по злоключеніи же нѣкимъ впадши въ крайнюю нищету не имѣя чымъ должное отдать; заимодавцу же иногда случится не утвердившу ни писаніемъ, ниже свѣдителями долженствующаго себѣ, древностію же замедлившу не ищеть. Обаче сему виновный должникъ острою и коварствомъ отвестися ложнѣ сокрытиса или утаити себе но во истинну рекшу, и простомуіемъ своимъ принесше вину не имѣя чымъ должное отдать, жену и чадъ своихъ въ вѣчную заимодавцу предаеть работу, и такимъ обычаемъ древностію пришедшая долги по прародителехъ и отцехъ и своихъ никакова имѣнія наслѣдницы не прыемше—заимодавцемъ своимъ истинствуютъ и отдають должное безъ всякаго ухищренія. Въ такой убо простотѣ и беззаконіи хранящиса многія добродѣтели приводятъ мнѣ помануть и узреть въ семъ народѣ, рекши иногда Апостоломъ: яко безъзакона бывше, обрѣтають законъ хотящій добрѣ творити.

3. Они писменъ бо никакихъ не имѣють, промыслы же своя и обхожденія съ росіійскими людьми содержать, и въ нуждѣ своей помоществованія отъ нихъ употребляють. Въ мѣсто же заемныхъ писаній иногда прынужденны знаменіемъ

нѣкимъ руку свою подписать. Тогда употребляютъ сего обыкновенія, имѣють знаменія нѣкая: или взоры на рудѣхъ и персѣхъ, или на нозѣхъ, яже въ различныя виды и черты чернотію сице изображаютъ еще здѣтска рудѣ или нозѣ или на персѣхъ иглою до крове избодше сажею съ иными утварями тако крѣпко натирають, яко сотретися до кончины его не можетъ. И сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписують и заемная утверждають писанія.

• Не толико же се имѣють сего ради употребленія, но почитаютъ се за украшеніе нѣкое, и женскій бо ихъ полъ такожде рудѣ себѣ изпещрають и украшаютъ тоеюжде единою чернотію, но изълишне различными видами и взоры птицъ и звѣрей сіе изображеніе изображаютъ.

й Не толико же сей народъ писменъ не имѣя, яко же прежде воспоминахомъ, но ниже коего хитростнаго рукописанія употребляютъ. Обще всимъ едино рукодѣліе, стрѣлянне звѣра, ловленіе птицъ, рыбъ, ими же себе препитать можетъ. Сихъ убо хитростей и чада своя изучають и отъ младыхъ ногтей приравляютъ я къ стрѣлянню изъ лука убивати звѣра, къ ловленію птицъ, рыбы обучаютъ ихъ; ничимъ бо инымъ чрезъ все житіе свое не упражняется, яко симъ единымъ промысломъ, и таково хитростно въ своемъ рукодѣліи изученны, яко всякъ въ младости своей изучися лукъ себѣ изъ древа и стрѣлы самъ дѣлаеть и найкрѣпчайшихъ звѣревъ: медведя, лосей, еленя убивать, тожде дражайшихъ соболей, лисиць, бѣлку, птицъ всякихъ, не толико на водѣ плавающихъ, но по воздуху лѣтающихъ, въ самомъ лѣтаніи стрѣлами улучають, и се обще всихъ едино рукодѣліе: не желаютъ яковыхъ хитростей изучитися, симъ бо доволны, имъ же могутъ препитати житіе,

но вѣще же полагаются въ ловленіи рыбъ, оныхъ бо множествомъ здѣшняя палестина свободнѣйшее и скорѣйшее жителемъ своимъ даетъ препитаніе.

д. Паче всего повседневная ихъ пища отъ рыбъ; зане скорое сіе имѣти могутъ, и всегдашнимъ ея употребленіемъ питаются. Лѣтнимъ убо временемъ жителствуютъ при водахъ, наипаче при великой рѣки Оби, яже своимъ пространнымъ разширеніемъ множество различныхъ родовъ рыбъ содержать, не толико жителей своихъ Остяковъ, но и всю сію палестину доволствомъ израдныхъ рыбъ питаетъ; облежашіи же ю бреги преславныи суть доволствомъ звѣра, на сихъ бо частый лѣсъ, рѣтко равныя мѣстъца, но частыя ровы, долины самородныя, аки рукою человѣческою ископаны. Темнота убо сихъ мѣсть питаетъ множество звѣрей, и весма всѣмъ доволствомъ сія преславная рѣка питателница есть Остяцкому роду. Присѣдять же сіи чрезъ все лѣто упражняющеса ловленіемъ рыбъ, и якоже нѣщцы въ хлѣбородныхъ мѣстахъ собираютъ плоды земныя, прыготовляя на зимнее время сими питатися, тако и бѣдствующій Остякъ въ пустыхъ бесплодныхъ сихъ мѣстѣхъ рыбы на всю зиму собираетъ и своимъ обыкновеніемъ рыбу израдную, муксунъ названную, и прочая, безъ соли тако усушуютъ, что чрезъ всю зиму содержатися можетъ. Нарыцаютъ же сушеную поземы. Егда же хотять себе сладкоястіемъ насытитъ, тогда употребляютъ жиру рыбіего, еже въ болшихъ сосудѣхъ берестяныхъ держать, сего же вземше омачиваютъ поземы своя въ сытость сію и сими прытными себѣ сластми доволны бываютъ. Иногда довольно жыромъ самымъ напаяютъ себе, особнѣйшее себѣ почитаютъ избраннѣйшее ястіе, еже варку нарицаютъ. И толико сіе въ началнѣйшихъ прыготовляются во время пированія

страннаго ихъ, се же сиче утворяютъ: взявше утробы отъ разныхъ рыбъ, не очищая оныя, со гноемъ въ сосудъ каковый полагаютъ, таможде довольно жиру вливши, на огнѣ смажить, даже очернѣть. Тогда снемъше услаждаются сими сластями и мнать, яко таковаго сладкоястія нигдѣ обрѣсти не могутъ. Аще самой смрадъ ястія сего далече отъ себе всякаго обращаетъ, обаче имъ обыкшымъ сладко, приятно есть. Се же за обычай имъ есть живу рыбу взявше отъ воды ясти, найпаче же мнать полезнѣйшее здравія сыро съ кровію ясти, неже уваренная, или печеная; зимою же мразня рыбы паче всего прятны вкушаютъ.

Г. Скучность въ пици и недостаточество воспоминаетъ довольно множество птицъ: лебедей, гусей, утокъ и разныхъ родовъ птицы. Великія бо здѣ воды и блатныя мѣста, удобная же умноженію ихъ: производятся многоплодно, яко довольно скудному народу сему питатися мощно. Упражняють же ся ловленіемъ оныхъ птицъ лѣтняго времени, найпаче же въ послѣднихъ числѣхъ іюня. Здѣ бо въ то время птица лишается перія, къ лѣтанію же немошна, въ довольно Остяку попадаетъ препитаніе. Въ сіе бо удобное время скорое старыя съ птенцы уловлять могутъ; осѣннымъ же временемъ тожде ловленію птицъ присидать, и тогда довольно промышль въ ловленіи ихъ имѣютъ, зане въ то время переметы или сѣтми, на то устроенными, множество птицы уловляютъ; зимнимъ же временемъ пицу и промыслъ держать звѣра убивать, еже и обычнымъ оружіемъ изъ лука всякаго звѣра убиваютъ; мяса же всякаго звѣра: медведя, лося, еленя и прочая ядятъ.

Гі. Яко же бо всихъ сія великая рѣка Обь препитаніемъ и пицею воспоминаетъ Остяковъ, тако и жажду ихъ утолить

довольна́ есть, зане иного питія не имѣють, обскою толико удовлетворяютъ себе водою. Паче же всего употребляютъ табаку китайскаго, его же нарицають шарь. Сего надъ вся дражайшій и нужднѣйшій, здравію же своему мнятъ быти полезнѣйшій. Употребляютъ же сего необычно: мало воды въ уста взявъше, чрезъ воду дымъ въ себе глотаетъ, ни мало отъ устъ испущая, и тако онымъ поражается, яко весь трепеща трасется, бледнѣеть; иногда падаетъ аки нейстовствомъ и черною пораженъ немощію, донелиже прійде въ себе. Обаче же за искуснѣйшее и полезнѣйшее себѣ содержитъ врачеваніе. Употребляютъ же сего всѣ обще мужы и жены, и чадомъ своимъ младымъ сегожде удѣляютъ врачеванія, издѣтска поправляютъ сему, зане сіе употребленіе табаки есть имъ сею помощію, что мокроту природную, умножающуюся отъ повседнезнаго ястія рыбъ и жиру рыбьяго, истягаетъ тотъ табакъ и высушаетъ мокроту сію.

ѿ. Нерадивый же сей народъ нимало имѣеть о имѣніи своемъ попеченіе. Жилища своя юрты имѣють на двое: лѣтнія и зимныя; но сія вся немногимъ иждивеніемъ угодная себѣ утворяють: яже суть зимныя, сіи обычно пры лѣсахъ полагають, созидають же я четвероуголнѣ, внутри оныхъ около ложа своя имѣють, посреди же огонь полагая: безпрестанно умножаютъ и присядятъ сему, согрѣвая нагость свою. Лѣтнымъ же временемъ при водахъ поставляютъ берестяныя юрты, походячіе яже съ мѣста на мѣсто безъ тяжести со собою переносити можетъ; такимъждо обычаемъ созидають, толико не тако огонь, яко дымъ безпрестанно хврастіемъ умножаетъ для рыбы, юже усушаютъ на зиму: понуждаетъ же скудость и нѣщета ихъ зимнымъ и лѣтнымъ временемъ съ мѣста на иное селеніе переходити, ниже удержити неудобное

лютя зимы время, ничтоже бо противо возбранить въ снѣгу, или въ разсѣлинахъ ледоватыхъ утвораеть себѣ жилище и пребываетъ, ниже домашнихъ вещей собраніе, сосуды и прочая, отягчеваяй тяжестію своею удержать отъ частаго преселенія, но сіе обычное его собраніе—сосуды берестяны; главнѣйша яже и нужднѣйшая—сѣти, стрѣлы, лукъ, лотка; не у сякаго же топоръ, не до зѣла обтягчаютъ его, но вящше ницета такой его обучаетъ легкости.

Гі. Умноженіе скота и воскормленіе овецъ, коровъ, лошадей не обрѣтается въ нихъ, ниже о семъ попеченіе каково имѣють, но весма крайнѣй прилежать скудости; иніи же мощнѣйшыи множество еленей содержать, аки домашній скотъ, ихъ же употребляютъ вмѣсто лошадей, найпаче скудость въ семъ и нужду еленми удовлетворяють, и во вся путь шествія своя еленми отправляются. Камо же путь свой похощеть имѣти, еленя заложа въ сани идетъ конимъ, на то особныя устрояють, юже нарты нарыцають. Обще же всѣ не толико еленей, но псовъ употребляютъ въ путешествіе и по пяти, и по шти, и дванадесать до единыхъ нартъ закладаетъ псовъ; нарты же сіи въ долготу тры аршина, въ широту полъаршина, зѣло легки, полагають же на сіи толикую тяжесть, яко не возможно вѣрити, чтобы тяжесть сію поднати мощно, и такъ скоростію въ пути поспѣшити псами, могутъ бо въ день пятьдесятъ и вящше ускорити версть. Не толико же тамошніе жители, но и всякъ преходящій пришлецъ еленми и псами путь свой здѣ отправляетъ: инако бо ради многихъ и высочайшихъ снѣговъ невозможно, зане лошадь въ тѣхъ снѣгахъ тако погразнетъ, что ниже изыйти возможе, елень же и песь легкости ради своея не погразаютъ.

Ді. Остяки, а найпаче самоидъ, не толико зимнего времени,

но і лѣти употребляютъ саней, но на лѣтнее время особнѣ устроятъ сихъ: полозья подбиваютъ кожею еленею, коже взимаютъ съ самыхъ голеней еленіихъ, и подбиваютъ онныя, ими же касаяся земли гладкостію сію легчае и скорее поспѣшнѣй бывають. Легкости же такъ безмѣрной суть, яко единою рукою возможна поднять и бросить на воздухъ. Сими не только по земному пути возимы бывають, но гдѣ набегнуть воды и болшія рѣки—пускаются безопасно. Елень бо со онными чрезъ рѣки переплывая перевозитъ онныя и сѣдящаго на нихъ.

Ѣі. Земля аще всему питательница и многія израдныхъ плодовъ изобиліемъ ущедряетъ, обаче сему народу скудна подаваніемъ, зане дивнымъ питається зеліемъ, а плодовъ никакихъ не произноситъ. Сего ради не имѣють земледѣлія, ниже употребляютъ каковыя сѣмена, но сими доволны дивнымъ кореніемъ, что земля подъ студеннымъ кругомъ съ камня мразомъ заледво могуща есть и сія произноситъ. Жены ихъ, не имѣя конопель, нужду и недостаточество свое удовлетворяють полнымъ зеліемъ: отъ кропивы бо зѣлныя хитростнѣ истягають нити, изъ сихъ холсты утворяють. Отъ нихъ же содѣлываютъ себѣ пологи для сохраненія комаровъ, за множествомъ бо комаровъ, мухъ и прочіихъ, невозможно безъ пологовъ пребыть; сшивають же себѣ и рубашки отъ тогожде кропивнаго холста и украшають я различными пестротами, вышивая нитми разныя взоры.

Ѣі. Одежда ихъ обще изъ кожей рыбъ, наипаче съ налима, иже подобенъ сому; тожде съ осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчеваютъ, яко могутъ все одѣваніе себѣ изъ нихъ сошты; обще же, изъ налимѣй кожи—кашаны, съ иныхъ же чулки, сапоги себѣ утворяють. Зимнего же вре-

мени мощнѣйшии имѣніемъ и нарочыти съ еленьихъ кожъ одежду и сапоги съшывають и верхнею одеждею заедино главу и самого себе покриваетъ. Се же противъ зѣльной укривается стужы, нищета же и скудость не всякому такой свободно попускаетъ имѣти одежды: иный бо и зимнего времени лютость тяжчайшихъ мразовъ въ налимьемъ претерпѣваетъ кажанѣ, и въ таковой нищетной одежде исходятъ отъ жилищъ своихъ въ далныя страны пустыя, лѣса, промышляютъ звѣръ соболей, дражайшихъ черныхъ лисицъ, горностая, бѣлку, на которыхъ вещь драгость всякъ взирая, промыслъ и труды бѣдниковъ оныхъ снискаемую ихъ же видя скудость, прилично сіе помянуть имъ Овидія:

Собираетъ пчелы сотъ; но отъ трудовъ ясти,
Крупца имъ дается, инымъ же вся части,
Ни себѣ сладость сію пчелы собирають.
Горестъ трудовъ пріемше, инныхъ улаждають.
Такъ и Остякъ бѣдный, съ премногими труды
Собираетъ драгость шубъ украшаютъ, людій,
Самъ нагъ горкой нищеты вся поноситъ злости,
Весь скудень, една кожа, подъ кожею кости.

Зѣльная же скудость понуждаетъ я отъ птицъ, гусей, лебедей здирати кожи, яже по своему обыкновенію выдѣлываютъ израдно, болшія истребившы перя самой толко оставше пухъ; трудами же своими кожу умягчивають и составляютъ шубы; сія же и теплыя глаголють быти, аще и скудость зѣлна преодолѣваетъ, обаче красоты желаніе понуді я особнѣйшія для украшенія утворати одежды, найпаче женскій полъ тщателенъ о семъ: утворяють одежды своя иногда изъ суконъ обычаемъ тѣмъ же, что и мужы, токмо должайшыя, даже до самой земли; украшаютъ же цаты отъ олова въ низу и наколо цату близъ цаты покладая; оныя же суть изліянны въ подобіе взоровъ; на главахъ же имѣють покривала изъ хол-

ста, вся различіемъ цвѣтовъ изшита и изпещренна, симъ не толико главу, но и лице все покриваютъ, да не явленна и зрима будетъ иностраннымъ лѣпота лица ея, зане имѣють се знаменія стыдѣнія; аще отъ иностранныхъ лѣпота лица зрима бываетъ; обще же всѣ наипаче украшаются червленными одеждами, зане той цвѣтъ пріятенъ имъ зѣло есть, отъ сукна ли или отъ камки, яко началнѣйшихъ оныхъ жены употребляютъ камчатихъ одеждъ, но всегда червленныхъ.

31. Разньствіе чына между има малое зрится, всѣ бо въ единоравенствѣ пребываютъ; толико се вносятъ имъ чына разньствіе, егда кто имѣніемъ паче иныхъ знаменитѣйшій: того за началнѣйшаго себѣ почитаютъ и сією титлою чести почитаютъ его князь. Повинуются же отъ друголюбнаго себѣ произволенія, вѣщше неже властію и силою законоуложенія каковаго покоренны. Бываху же иногда природныя ихъ княжикъ, но сихъ родъ древностію пресѣчеся; аще нѣцки и осташа отъ племени рода княжеска, но не имѣють первыя своей власти правленія, ни дани отъ нихъ взимають, ни правовластіемъ судить имать, но вси за едино подъ правленіемъ комендатовъ по городамъ указомъ Царскаго Величества уставленныхъ обрываются. Имѣють же своя всякъ княжикъ предѣлы и по разныхъ рѣчкахъ особнѣйшая своя улусы; отъ рѣкъ же названіе свое себѣ употребляютъ, яко отъ Сосвы рѣки—Сосвинскій княжыкъ, отъ Лапина—Лопинскій, и прочая. Симъ обычаемъ чыновъ ихъ власть и должность сія есть: дани отъ себе належащыя и отъ поручныхъ своихъ собрать, принести въ городъ комендантомъ и отдать въ казну Царскаго Величества. Судовъ же главныхъ никакихъ промежду собою не судять, но властію комендатовъ, до какого присуду какова волость принадлежыть, судъ и розправу

окончиваютъ; и дани отъ нихъ, яже они своимъ языкомъ ясакъ нарыцають, аще ли замедлятъ, наказаніемъ и жестоко-стію исправляютъ.

иі. Аще скудень и нищетою отвсюду одержимъ сей народъ, но ясакъ или дани ихъ дражайшыя, обаче труды ихъ и промыслы премногіи богатства въ казну царскую собирають; зане ихъ промысломъ весь звѣрь: соболь, черныя ли-сицы, яже дражайшею красотою своею изъ цѣны выходятъ, бѣлка, горносталь, песцы, бобры и прочая различныхъ родовъ звѣры въ казну Царскаго Величества приходятъ. И сими израднѣйшими вещми не толико во европейскихъ государствахъ преславно государство Московское, но во Азїи высокія славы есть, зане государство Китайское чрезъ торговыя промыслы сими израдными вещьми довольно наполняетъ, а оттуду безмѣрныя собираются богатства: злата доволства, драгихъ камней, камокъ, шелковыхъ парчей, сосудовъ фарфурныхъ: вся же сія единими прежде реченными товары, яже отъ дани і промысловъ народа сего имѣють. Дани, имъ налагаемыя, сицевымъ чыномъ расположены: яже внизъ по Оби, сіи обложены вся кто лукомъ промышляетъ въ единъ соболь знаменитшій въ имени: по тры соболя въ годъ, соболь же поставленъ цѣною по семи гривенъ. Се же сего ради, аще не получатъ соболя, или не похощеть соболемъ дати, то въ колико соболяхъ обложенъ, толико по семи гривенъ въ казну Царскаго Величества долженъ отдать; бываетъ же иногда благополучна цѣлая волость, что единою черною ли-сицею, яже нѣцны марморкою нарыцають, всю свою должность выплатити можетъ: суть бо сіи яко безмѣрной красоты, тако и дражайшей цѣны, во сто рублевъ, трехъ сотъ и вѣщше, яко же и прежде рекохомъ, иная драгостію своею изъ цѣны

выходить. Каковыя убо отъ ихъ промысловъ собираются въ казну Царскаго Величества приходы, всякъ свободно и извѣстно уразумѣти можетъ. Суть же нѣдцы на хлѣбородной земли, наипаче около Тоболска, сіи выщѣше обложены: всякъ, кто своимъ домою, по два и по три рубля обложенъ въ годъ, зане онни и отъ плодовъ земли собираютъ имѣніе, и скотомъ полны, на звѣръ и на рыбу доволны.

Ѡ. О всѣхъ сихъ прежнихъ народа сего извѣстившихся обыкновеніяхъ и обхожденіяхъ, прилежыть и о супружествѣ ихъ помянуть. Супружество ихъ никакимъ не утверждается по ихъ зловѣрію законнымъ установленіямъ, но на произволеніе и уговорахъ самыхъ состояться. Егда бо хочетъ кто поняти себѣ въ жену у котораго дочерь, тогда отецъ дщеры поставляетъ оной цѣну, яже, по ихъ, калымъ нарицается. Совершивше же договоромъ и утвердивше оный калымъ, назнанный оный зять, егда хочетъ зарученную себѣ невѣсту привѣтствовать, долженъ сохранить сей обычай, чтобы не явственнымъ лицомъ, но обращенъ плечми своими входилъ въ жилище тестя своего, ниже взирая дерзнуть на лице его, но ускоряетъ на мѣсто, идѣ же она зговореная сидитъ: се же обыкновеніе въ знаменіе смиренія есть противо родителей. Мнять бо аки новому сему усыновленному не достоитъ вознесенными очесы взирати на лице отца, а наипаче матери невесты своея. Калымъ обычно поставляется во сто рубляхъ, противо же сего назнанный зять вещи своя полагаетъ нужднѣйшая: лотку, лукъ, пса, и отдаетъ я тестю своему въ цѣну, самъ же по своему изволенію платежыкъ своя вещи оцѣняетъ и ставитъ лотку въ шести и десяти рублехъ, и прочая. Такожде безмѣрно высокою поставляетъ цѣною бездѣлныя своя рухляди, донели же весь устав-

ленный исполняется калимъ; егда же исполнить, тогда отецъ поемлетъ ю и отдаетъ зятю, наказуя да сохранить союзъ любви повиноватися мужу своему; аще же калимъ весь не исполнить за скудостію своею, то не можетъ отецъ изъ дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же съ нею свободно въ дому своемъ не возбраняеть пребывати, донелиже весь калымъ заплатитъ, и иныхъ же обхожденій не имѣють, ниже пированія каковаго; толико отпущая изъ дому дщерь свою въ жилище мужа, покладаетъ на оную шубу; аще ли отъ нарочытыхъ, то всячески ищеть червленою почтить одеждою. Имѣють же женъ толико, елико кто можетъ препитати и калымомъ заплатитъ; свободно же жены своя имѣють заложить, дать, даровать и продать, отпустить и инныя воспрять, и такому обыкше беззаконію многія жены по двѣ и по три, и елико кто можетъ держать.

К. Такоее ихъ преизлишнее женорачительство, яко всякъ отъ нихъ неистовою похотію понуждаемъ содержать многихъ женъ, такоее же ихъ во всемъ неумѣренное жытіе, необычная повседневная пища: риба, жиръ; хлѣба же, сердце укрѣпляющаго, нимаго вкушаютъ; питіе едина вода, и инная нерадивая и гнѣсная въ житіи обычаи нисведоша ихъ впасти въ такой неизцѣлный нечистоты недугъ, иже мнеться быти проказа, или весьма нечистость, толико же люта, яко живу челоуѣку гнилостію снѣдаетъ уста, носъ, ноги, и многимъ все тѣло, даже до костей снѣдаемо бываетъ. Жестокою же сею язвою вящшая ихъ часть поражена, не опасны бо въ такомъ своемъ зловредителномъ недугѣ, но всѣ единокупно пребывая единъ отъ единаго заражается. Нерадивыхъ же о семь немало: егда кого начинаютъ сія болѣзнь язвити, тогда начало вредителному сему недугу никаковаго не ищеть

врачеванія, и не толико имѣють попеченія о исцѣленіи, но ниже ради облегченія болѣзни язвы согнившыя чымъ прикрывать. Но не рада о семъ, берестомъ гніющюю обвивъ язву, за промысломъ въ далное разстояніе или гдѣ въ путь идетъ, и доселѣ ходить, донелиже весь согнившю сію язвою пораженъ падеть. Удивленіе есть необычное разумной твары въ болѣзни такъ жестокой о себѣ нерадѣніе. Лубомудрецы, иже о естествѣ звѣрей взыскають, свидѣлствуютъ, что звѣріе, егда язвою якою поражаемы бывають, ищутъ отъ земли яковаго врачеванія, чымъ бы исцѣлить наносныя язвы. Песъ язвы своя лижуце облизаніемъ симъ отъ язвы взимаетъ и врачеваніе язвамъ своимъ приносить. Но се тварь, аще и разумная есть, обаче по естественной самого себе любви никакого о своемъ здравіи не имѣють попеченія; но доселе со язвою гніющею ходить, донелиже всѣ тѣло гноемъ въ конецъ истощится. Врачъ же души и тѣлу, Господь да будетъ животь и исцѣленіе роду сему, зане зѣло во младыхъ лѣтахъ такимъ поражаемы недугомъ безвременно лишается бытія.

Ка. Толико зловредителная язва народъ сей смиры, яко зрится неугоденъ до воинскихъ дѣлъ, и самая природа вѣще трепетныхъ, а неже мужественныхъ являетъ. Обаче знаменія воинскихъ дѣлъ: шабель, панцеровъ множество обрѣтаются, но вся сія ветхая, а наипаче при кумирахъ, и отуду является, что древнихъ лѣтъ народъ сей упражняшеса воинскими дѣлы. Древнихъ же писателей о семъ ничтоже обрѣтохомъ, толико писавый нѣкто о взятіи Сѣбири Ермакомъ Тимофѣевичемъ воспоминаетъ о дерзновеніи ихъ. Егда по убіеніи Ермаковомъ и паки Татаре, Алей, сынъ царя Кучума, и князь Сейдакъ градъ Тоболскъ пообладаша, Росіяне же, во второе лѣто по убіеніи Ермаковомъ, съ воево-

дою нѣкимъ Иваномъ Мансуромъ приплыша подъ Тоболскъ, внити же въ онъ за множествомъ непріателей и крѣпкимъ ихъ возбраненіемъ не возмогоша, но пустишася внизъ по Иртишу въ Обь, въ сію воспоминаемую Остяцкую страну, и озимиша плаваніемъ своимъ, и поставиша на устіи Иртиша ограду нѣкую пребыть въ ней зимное время; Остяки же въ предѣлахъ своихъ не восхотѣвше попустити, прыступаху крѣпко ко оградѣ сей со кумиромъ, его же помоществованія ради взяша; егда же отъ Россіянъ случаемъ изъ пушки пораженъ и сокрушенъ бѣ идолъ, убояшася видѣвше сего сокрушенна, его же заступленію и помощи себѣ вовираху, бѣгствомъ отъ Россіянъ отступиша, и толико о дерзновеніи ихъ извѣщенія. Егда же и паки побѣдоноснымъ оружіемъ вся Сибѣрь подъ область російскому скипетру прииде, тогда и народъ сей зѣло великому порабощенъ смиренію. Нынѣ же вящше ихъ смираеть толь неизцѣлный недугъ, иже всегда множае понуждаетъ воздыхать въ болѣзни и частее отъ сего погребателная внимать сѣтованія.

Кк. На погребаніи своихъ умершихъ имѣють отъ зловѣрія древнихъ своихъ старѣйшинъ законоустановленны обычаи. Егда кому отецъ, или мать, или мужъ жены, или кто въ племени свойственъ отъ живыхъ преиде, тогда проводяше его сродницы до погребенія въ знаменія сердечнаго жалѣнія терзають власы своя, и елико возможно ногтями одираеть лице свое до крове. Власы же окровавленныя мещуть на умершаго, зане зловѣриемъ своимъ чають, яко душа по несколько днехъ приидеть разсмотритъ знаменія болѣзней, отъ нихъ же праведную умерши и себѣ любовь свойственныхъ своихъ внемъши и въ ономъ вѣщцы вѣчне благодарить не устане. Имѣнія отъ частей, а паче нуждая въ житіи: одежду, лукъ,

стрѣлы, топоръ, котель и прочая съ умершимъ во гробъ полагають. Се же пріѣша обыкновенія частію отъ Чупького, прежде обитавшаго здѣ народа, частію сами своимъ зловѣріемъ мнѣть, яко по смерти житейскія употребляють пища, сего ради и вся нуждая въ житіи съ собою полагають. Странный же, безумія и безстудія исполненный обичай, наипаче жены ихъ по смерти мужа своего содержать. Умершу же мужу, жена пріемъ одежду его нѣкую, изсѣкше себѣ отъ древа наподобіе человѣческое кумира, полагаетъ на сего одежду мужа своего и прибираетъ утварами въ подобіе умершаго, поставляетъ же его на мѣстѣ, идѣ же обыкль бѣше мужъ ея сидѣти; вся же, что ему живу бывшу угодная бѣху пища нѣкая, сія сему бездушному древу усердно уготовляетъ и на первомъ сѣдалищи своемъ, идѣ же присѣдѣть—пріимать пищу, и его зѣ собою положше, объемлетъ, лобзаетъ кумира сего, аки жива мужа. Вѣруеть бо умершу вся сія видѣть и душа умершаго иногда въ сего утвореннаго идола въходить. Содержаетъ же сіе чрезъ нѣкое время, чрезъ годъ и вѣщше упражняючися симъ безчиніемъ, послѣди же идола со всѣмъ во одеждѣ скриваетъ въ землю, провождающе съ плачемъ и жалостію.

ГЛАВА Г.

О злочестім идолопоклоненіа.

Г. Зловѣріе ихъ, вѣще—самое беззаконіе и самая крайняя мерзость запусѣнія, въ такую бо естественнаго ихъ ума свѣтло паче безуміа бездну, яко ниже изчислити ихъ нечестиваго многобожіа людей, егда уклонишася въ путь беззаконія, весь сихъ идолонеистовства сонмъ изваянну поклонися телцу въ Вавилонѣ, тѣлу золотому поклоняхуса. Елины же Крону, Юони, здѣ же единъ народъ сей, но всякъ отъ нихъ измѣнивше славу нетлѣннаго бога въ подобіе птицъ, гадовъ, различныя утвораху боги: инны поклоняхуса кумиру по подобію звѣрину, наипаче медвѣдя, инны же въ подобіе птицъ: лебеда, гуся, и всякъ по своему прирастію, до чего вѣщепри страстенъ есть, боготворить, и толико безстуднаго многобожіа—елико умомъ познаваху тварей, толико подобная изображаху боги. Иная же безвѣстная подобія твораху, ни отъ звѣрей, ни отъ птицъ, но нѣкіа лежація въ зыбкахъ древища, повитыа кожею, сукномъ и холстомъ, посреди же часть стекла зеркалнаго уложено, боготвораху, и прочія. Откуда же сіе въ нихъ такое различіе многобожіе вніде, мнѣтся, яко желаніе скверно прибытчества нанесе имъ сіа.

Мнози бо отъ нихъ злхитрецы желающе чюждымъ обогатитися трудомъ, дивно различная новыя утворяють твары, боготвораше, да сими вящше новыми твары дороприношенія и почитанія слѣпотствующій прыведеть народъ, новостію бо и дивностію прелщены, вящше влекомы бывають до частаго видѣнія оныхъ, сихъ же приємлють обычаи дороприношенія скверныхъ жертвъ, частымъ же приношеніемъ самодѣлцы мнимыхъ боговъ со жерцы довольно сыты бывають; сего ради скверно прибытства многіе оныхъ жерцы, по ихъ нарѣчію шаманьки, въ вѣчное діавола порабощеніе и союзъ единопдѣйствія волхвованія и мечтей себе вдадоша.

К. Жрецъ ихъ и всякъ самодѣлецъ кумира, пли настоящихъ по наслѣдію отецъ или сродникъ своихъ державецъ идола, чиновства же преодѣлительнаго по своему зловѣрїю никакого не имѣють: кто утворить или содержитъ идола, или себе претворить ревностію около идоловъ всегда упражняться, ниипаче егда кто обще отъ всѣхъ вящше разумѣти мнится, то и жрецъ бываетъ. При главныхъ же кумирахъ (о нихъ же послѣди извѣстимъ) особъ преодѣлительныи и уставленны бываху, всегдашніе стражіе сіи і жерцы почитаються. Чына ихъ должность всегда быти служителемъ лжи, иногда бо скудость въ препитаніи поощраеть лестію народъ до приношенія жертвъ, объявляя аки бы сего требуютъ мними ихъ бози; егда же похощеть кто зрѣти, тогда приводятъ скота или звѣра, надъ онымъ же жрецъ баснословить пѣнія, моля, да подасть изобилно ловленіе рыбъ, звѣра; самъ же помоществуеть жрущему до убіенія скота, и за трудъ сей часть снѣдаетъ съ жрущымъ. Суть же нѣцци, иже мечты нѣкія и волшебства творять, предавшися въ вѣчное порабощеніе сатаѣ, и обычно будущыя кусаться предвозвѣщати. Егда же сихъ

нѣцѣи хотѣть извѣститися, наипаче о повседневныхъ своихъ нуждахъ, о промыслу на рыбу и звѣра, тогда волшебствующаго вводятъ въ темную хижину, и тамо его накрѣпко связуютъ, сами же присидѣть играюще въ своя свирѣлы. Связанъ же никѣими восклицаетъ кудесными словеса, призывая союзника своего сатану. Обычно же се всегда въ ноцы творятъ; тогда по несколько часѣхъ зыванію ихъ входитъ духъ бурень нѣкій шумящъ. Присѣдѣнціи же бѣжать изъ хижины, оставльше связаннаго волшебника, его же пытливъ сей духъ емше долу и верхъ возносить, сокрушаетъ всяческій мучащи, ея же ради и связуютъ его, да не камо неистовъ сый отъ мученія избѣгши погибнетъ. По неколицѣхъ часѣхъ духъ нечистый лстивыя предивѣщанія, яко отецъ лсти влагая въ ушеса его, оставляетъ; онъ же ели живъ освобождается отъ мученія и разрѣшается самъ, вѣщаетъ же лстящи предбудущая. Иногда же лестію прелщенны, идѣ же чають изобиліе рыбы и звѣра—ничто же тамо приѣмлютъ; иногда же прелестію впреди уловляя слѣпотствующій народъ, собывается предсказанное, избрѣтають изобиліе рыбъ; аще же бы всегда ложъ баше неухищренна и не укрыта нѣкимъ мнѣніемъ, правды не бы вѣроваху впреди лестемъ его и мечтамъ, но хитръ сей бѣсъ, како прелестныя своя сокрывати сѣти.

Г. Сими бо кудесными прежде рекши толикое различіе, введеса многобожія и безчисленное изображение кумировъ, ихъ же богомерзцѣ почитаютъ, почитаніе ихъ нечестиваго многобожія нѣсть каковыми предѣлы уставленно, ниже есть обще повседневне, но всякъ по своему изволенію когда обращеть посему время, почитаніе и поклоненіе творять. Обаче зане праздными руками никогда почитаніе не бываетъ, всемъ народъ общій пребывающихъ всегда при кумирахъ жерцовъ

молят наставленія, кѣмъ кумировъ почитаніемъ учредить, всякъ бо жрецъ притворяетъ себѣ особнѣйшее имѣть со своимъ кумиромъ союзство, аки бы ему всегда нужная требованія мнимыхъ боговъ объявленна суть. Сего ради аще кто по своему зловѣрію здравія ради, прѣобрѣтенія имѣнія, въ нуждахъ отрады яковаго хоцетъ молити кумира, тогда жерцу онаго объявляетъ намереніе свое приносить жертву и прѣемлетъ извѣщеніе, что прѣятнѣйше требуетъ бездушный той истуканъ—пированія ли яковаго, одежды или иныхъ нужднѣйшихъ, таковыми дарами и почитаніемъ кумира и снабждаетъ. Обще же народъ не всегда вѣснѣетъ извѣщеніе отъ жерцовъ, но сами приносятъ кумирамъ различная утвари: холсты, сукна, множае отъ кожъ звѣрныхъ и рыбныхъ, и оными въ почитаніе принесшими повиваются, иже толико сими странными рублицы утолщаютъ, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бывають; древа же самаго изсѣченнаго не вяще поларшина; весь же разширенъ искони приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же повивають. Тако обрѣтохомъ въ Шоркоровскихъ юртахъ кумира единого: въ средѣ полѣнце отъ пятьдесятъ лѣтъ прѣкладными обвитое сукнами, а на верху зъ жести изваянная личина мало что бѣше подобіе челоуѣка. И егда то во огонь ввергохомъ, такъ смраднаго дыма всѣхъ насъ наполни, яко едва не избѣгохомъ отъ ихъ селеній. Иногда же украшають кумира своего и снабжаютъ одеждою червленою, наипаче егда нѣкоего благополучія, доволства въ ловленіи рыбъ, промыслу на звѣръ воспрѣять желають. Егда же желаемыхъ благъ не получаютъ, тогда изъ него одежду снемъ и его низрынуть въ безчестное мѣстце со всякимъ ругателствомъ; послѣди же паки вводятъ въ первое чести достойніе. На холмѣхъ же превысо-

чайшихъ и мѣстахъ израдныхъ, всякому вѣденію прятныхъ, кумиры своя поставляютъ, иногда далече отъ своихъ жилищъ особѣ поставляются. Се же въ знаменіе чести угодная и израдная изобрѣтають мѣста, кумирни пространныя создаютъ, въ нихъ же покладають кумиры и тамо приносимыя предъ ними сѣдають своя жертвы. Другія же меньшыя, въ нихъ же складають кости по зловѣріи своемъ и соблюдаютъ сія, мняще яко недостойно пометати безчестно костей, приносимыхъ на жертву.

А. Обыкновеніе и чинъ приношенія жертвъ тожде нѣсть каковыми уставленно чреды, яко же прочыя идолопоклонники, наипаче же Мунгалы, иже уставленныя чреды приношенія жертвъ имѣють на новъ мѣсяць; здѣ же слѣпотствующій невѣжа Остякъ никакихъ чредъ не имѣя, но егда несытое ихъ до пированія понудитъ чрево, или кто почитаемый въ мѣсто жерца искаая угодія несытой гортани отверзаетъ оную извѣщаетъ, яко бози требуютъ жертвъ приношенія, за сія же нѣкая обнадежуетъ обрести благополучіе, тогда и чреды и время приношенія до крайняго же своего разоренія ищутъ звѣра или лошадей на жертву; наипаче бо обыкоша сіи, что ближе татарскихъ жилищъ пребываютъ—приносить лошадей, зане сообщаются съ Татарами обыкновеніемъ ихъ и яденію татарскому мясъ лошадиныхъ пристрастились сіи, и на скверныя своя жертвы употребляютъ лошадей. А яже въ далнихъ пустынныхъ селеніяхъ обитають, сіи елени наипаче приносятъ на жертвы, зане сихъ аки домовый скоть у оныхъ многоплоденъ. Егда же приведутъ жремое предъ кумиры, сичевымъ обыкновеніемъ сіе жертву приносятъ: иже вяцше бусловити можетъ, сей вмѣсто жерца началствуя, приведеннаго скота приѣмлетъ и связуетъ первое ноги; другій копіе приѣмши,

держитъ прямо противъ жремаго скота; третій съ напряженнымъ лукомъ станеть; четвертый зъ секѣрою станеть противъ очий приведенного звѣра. Начынаеть убо жрецъ баснословити пѣснями моля идоловъ изобиліе рыбъ подать, угодное ловленіе звѣра получить. Окончавшу же сіе, удараеть скота первое самъ жрецъ уготованнымъ на то орудіемъ, потомъ другій язвиль стрѣлою, третій копіемъ. Падшу убо скоту, еще дышущу, емлютъ и трыжды около идоловъ сего обносятъ, послѣди удараеть ножемъ въ сердце, испущая кровь въ блюдо, кроплять сею мерзостію и жилища своя, идоломъ же уста помазуютъ, въ украшеніе же и всегдашнее воспоминовеніе кожу со главою и ноги даже до колѣнъ за едино съ кожею на древахъ завѣшуютъ надъ кумирными и избираютъ на се крѣпчайшія дресва, наипаче нѣкое лѣствичное древо, иже подобно сосновому древу, но крѣпчайшее и не гниющее паче инныхъ дресвъ; мяса же сваривъ, избраннѣйшими частми кумиромъ уста смазуютъ; послѣди же вся сія сошедшеса съ чады и домовники своими снѣдають. По снѣденіи же, въ знаменія благодаренія, палица своя на воздухъ бросають: се мнать нечистаго духа, его же боготворать во ономъ идоли, съ ними на томъ же пированіи присѣдящаго провождать возносящагося на воздухъ. Глаголютъ же, яко и страстки ради сія творать, чтобы сохранилъ честь творимую имъ. Обыкоша бо за злополучіе нѣкое безчестить идолы своя, и сего ради при всякомъ приношеніи жертвъ знаменія страха являють, желая да вяцше о семъ имѣють попеченіе на звѣри и на рыбныхъ ловляхъ добрымъ ихъ обдарить промысломъ. Симъ частымъ жертвъ приношеніемъ въ премногую внѣдоша нищету и крайное разореніе, яко чадъ и женъ своихъ продають заимодавцемъ своимъ въ работу. Егда бо скудость и нищета его начнетъ одолѣвать, тогда

лестное мнѣніе и тщетная надежда понуждаетъ сего приношеніемъ жертвъ снискать себѣ у идоловъ благихъ нѣкихъ пріобрѣтенія, не имѣя же откуда промыслить на жертву скота, жену и чада въ закладъ отдаеть, надѣясь обрѣтшимъ благополучіемъ искупить оныя; но лестію сею иногда погубляемъ бываетъ, надолзѣ тщетнымъ чаяніемъ: искаая благъ, ничесо же обращеть, а не имѣя чимъ искупить, жены и чадъ лишается. И тако мнимый ихъ благъ датель, боготворимый во идолѣхъ духъ лжи утаенною лестію безвѣстно сихъ невѣжей истребляетъ имѣнія, и чаяніемъ будущихъ имущая погубляютъ.

Ѣ. Между различнымъ кумира почитаніемъ премного почитаются и дивіи звѣріе, найпаче медвѣдь: его же почитаютъ должностію, виновныхъ себе разумѣють быти, зане зловѣрять, яко по убіеніи отъ рукъ аще не буде почтенъ, то свое убіеніе убивающему отмститъ; и сего ради аще случытсѣ имъ сего убить, снемше кожу предъ кумирнею поставляютъ, распростирая оную, приподобляюще аки живъ, сошедшея убо игралица, плясанія около сего творять, изъясляетъ же пѣснями невиновна себе его убіенію, глаголя: яко не онъ дѣлатель желѣзца и стрѣлы, ниже его пера: Русакъ укова желѣзо, пера орель—родитель; такими пѣснями восклицающе, послѣди приходять и лобзають распростершую кожу; удоволивши же себе сими діавольскими игралицы, оную вземлетъ властитель ея и продаеть ю аможе хоцеть, и употребляетъ безъ сомнѣнія. Странное сего диваго отъ звѣра почитаніе мнеться тоезде быти отчасти идолопоклоненіе, зане клятвы своя на кожи утверждають и зѣло со опасіемъ соблюдаютъ; многимъ бо случается, иже сіе сбывается имъ, яко отъ звѣря сего поражаемы и убиваемы бывають кленующіися лестно; ложными же усты и клятвою

предаются звѣра сего убійству. Аще же се бысть острою и хитростію діаволскою, иже истинну дѣйствовать претворяетъ себе, да симъ инымъ множайшимъ лестемъ вѣровати народъ приведетъ. Мниться же, яко и попущеніемъ Божиимъ бысть се во лжи наказаніемъ, а не дѣйствиемъ сатанинымъ; зане сей разоритель истинны, а не блюститель оныя, а таковая страсть удержаваше отъ всякія лжи и неправды ихъ зане Господь и въ языцѣхъ понуждаше истинну.

5. Егда же вѣрность Государю своему Его Цесарскому Величеству клятвами утвердити и явити случай понуждаетъ, тогда по ихъ зловѣрію и обыкновеніяхъ полагаютъ сего же прежде воспоминаемого звѣра кожу, на ней же топоръ, ножъ и инныя страсти орудія. Хотящимъ убо утвердити и обвязати вѣрность свою клятвою подають симъ ножъ, снемъ съ кожи, на немъ же на концы часть хлѣба положше подають, вмѣсто же черты талмачъ выговорить: «Аще лестію сію клятву утвораете, и неправедно служить и радѣть въ отданіи ясаку будете, звѣръ сей отмщеніе вамъ да будетъ и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубить тя, аще не правдою вѣрностію, ею же общаешься, творыти хочещи». И сей обычай главный и всенародный клятвы обѣщанія: междуособнымъ же прѣніемъ и сваромъ егда имать клятвою что засвидѣтельствовать и смирить прекословная противности, то предъ идола своя домашнія противящіяся приходятъ, и ему же клятвою оправдитися подобаетъ, сему старѣйшыны ихъ ножъ дають, въ рупцѣ, повелѣвая: «Аще ты сему на тя ваядающему невиновенъ, се имашы ножъ. Возьми идола (по ихъ нарѣчію: шайтана), сокрушай и ссѣчь его; не опасенъ же вины возьмешь идола, сокрушаетъ и ссѣчетъ приговаривая: взыщи виновнаго и тако сокрушай, содержаи въ работѣ

своей врагъ». Иногда виновному сія утворяетъ, се же не яко хранитель истинны, отецъ бо лжи, ненавистникъ есть оныя, не яко обyklъ тму укрывать блистаніемъ притворяаго свѣта и явственную лжу хитростями, истинну претворять, тако и здѣ да не всегда явить себе лукавымъ лестцемъ, иногда принужденъ отчасти явити себе хранителя истинны, и языци бо аще бы всегда лукавое и лживое видѣли дѣйствіе его, отвратилися бы лестей и лукавыхъ обычаевъ его, ими же уловленны впадоша въ богомерзкое идолопоклоненіе. Но сей исконѣ льстець, содержа яхъ въ сѣтехъ своихъ, соплетаетъ и истинну съ лестію, да симъ коварствомъ множайшимъ лестемъ вѣрнѣе научить и благое къ добру притворяетъ своимъ дѣйствомъ, и ничтоже сему противо есть явити иногда притворную истинну, дабы толико сею низвелъ множайшимъ прелестемъ вѣру яти сими же и паки предстившихся низвести въ погибель еже едино искони его тщаніе.

3. Между различнымъ многобожіемъ содержать разность и сие: домашнія своя божки, яко всегдашнее свое руководѣіе, не такую честію почитаху, зане естественнымъ ума познаниемъ творимая своима рукама, всегда видя, повседневно же съ оными имѣють обхожденіе, малымъ чымъ умаляютъ почитаній отъ древнѣйшихъ; богомъ симъ бо высочайшею честію покланяются, зане дѣломъ отецъ и праотець своихъ усерднѣ ревнують. Ревностію же и древностію обыкоша и узакониша себе вѣщшимъ повиновеніемъ покланятися симъ, иже древность остави имъ, воспріяша убо отъ преданія и злочестія старѣйшихъ своихъ древностію почитаемыхъ боговъ, ихъ же во всей Остяцкой странѣ почитахуся три первоначальныя: нарицаетъжеся Старыкъ Обскій, Гусь и Кондійскій, о нихъ же послѣди.

й. Старикъ Обскій сей имѣюще скверное свое хранилище на усть Иртыша недалече Самарова града. Бысть же сей по ихъ зловѣрію богъ рыбъ, изображенъ безстуднѣ: дска нѣкая, носъ аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на главѣ малые, покрыть различными рубицы, сверхъ одѣянь червленною одеждою зъ золотою грудю. Оружіе—лукъ, стрѣлы, копіе, панцеры и иная—около его бяху положенна. Вину собранного оружія, по мнѣнію зловѣрїя ихъ, сію сказуютъ, яко сей въ водахъ брань часту имѣеть и прочія подручныя себѣ побѣждаетъ. Мнѣть же безумнѣ яко шкарадъ сія ужасна видѣнію всѣмъ въ моры, и въ великихъ водахъ страшна есть, проходитъ сквозь вся бездны, въ нихъ же рыбы всяи; звѣры водныя подъ своимъ имѣеть правленіемъ, и елико кому похощеть, толико попускаеть. Имѣяше двѣ кумирни: первая яко воспоманухомъ пры исходѣ Иртыша, идѣ же впадаетъ въ Обь; другую же при великой рыки Обы, въ нихъ же по трилѣтно пребываше; егда время угодно начынаеться быти ловленію рыбъ, когда прешедшей зымы солнечнымъ сияніемъ льды распуцаются, и воды зѣльны студень и жестокость во благоприятную измѣняются теплоту, тогда служытеліе бѣсовъ жерцы ихъ начнутъ лестями коварно произносити, аки бы видѣніе прыяша отъ сего бездушнаго истукана, что вся рыбы морскія времени сего ввести имѣеть въ ловли ихъ, народъ же издревле помраченъ лестію вѣру емлетъ, великодушествуя въ надеждѣ скоро исходить къ ловленію рыбъ, и первую рыбу морскую, яже нелму нарыцають, егда по случаю обращуть въ его мерзкую прыносятъ жертву, сваривше сію прежде сытостію уста и носъ идолу сему змазуютъ, прочая же сами снѣдають; снѣдше, по обычаю своему, вмѣсто благодаренія палками мещуть на воздухъ, его же приемлютъ съ честію, аки бы

что достойно приносить изъ кумирни до другія кумирницы, провождающе же различная бѣсовскія творять игрища. Егда же на первомъ ловленіи морскія не обращууть рыбы вскоры, возвращаются съ премногимъ ругательствомъ, нападая на нь укарають, яко безстудная старости сего толико, отецъ и праотець нашихъ неблагодеренъ забывъ почитанія и нерадивъ о рыбномъ промыслѣ, погубляетъ гладомъ насъ; малословномъ же его ругая, ващше скорое дѣлы ругательство изъявляя свергнуе съ хранилища, вервою оцепивше, влекутъ его во вся безчестная мѣста, попирая всякъ ногами и оплевая его, и дотолѣ въ семь содержать безчестія, донележе половъ рыбный начнетъ исправлятися. Приличествуе здѣ вспомануть обычаемъ симъ повѣсть о нѣкоемъ древнѣмъ идолопоклонницѣ, иже, крайнею одержимъ нищетою, ввійде въ кумирню моляше, нѣкоего кумира о благое нѣкое поданіе въ нѣщетѣ; кумиръ же бѣ древянь, въ главѣ же часть злата содержаща. Надолзѣ же сему молящуся, ничто же обрѣтши, приеъмъ кумира удари о землю; сокрушившемуся убо всему, изъ главы испаде злато, требующій же скудникъ приеъмъ рекъ: «Моленіемъ ничтоже обрѣтохъ, біеніемъ же ващше получихъ ты благодать». Добрѣ сего искуства и обычаевъ бѣдственный употребляетъ Остякъ, егда чего у своихъ почитаемыхъ благодателей немилостивыхъ божковъ моленіемъ не обряцетъ, біеніемъ же взыскуеть.

Ѣ. Гусь боготворимый идолъ ихъ быше, изваянь отъ мѣди въ подобіе гуся; имѣ скверное жилище въ юртахъ Бѣлогорскихъ при великой рѣкѣ Обѣ. По ихъ зловѣрію, почитается Богъ птицъ водныхъ: лебедей, гусей и всякого рода птицъ, иже водному обычны плаванію: мняху же яко за легкость свою сій лѣтая невидимо по мѣстьцахъ веселія исполненныхъ и видѣнія пріятныхъ вся покараше подъ область свою

птици. Въ кумирници сѣдалище его бѣ отъ различныхъ су-
конъ, холста, кожей соплетено въ подобіе гнѣзда, на немъ
же сія вселняющаяся прочвара сидяше, почитаніе бѣ того не-
мало всегда, а наипаче во время егда ловленіе птицъ вод-
ныхъ начинашеса, зане и мѣста здѣ къ ловленію ихъ зѣло
угодно и множество безмѣрно различныхъ родовъ птицъ.
Славимъ же бѣ толико сей идолъ, яко отъ далечайшихъ се-
леній приходящу скверная своя совершающе жертвы, еды-
нымъ обычаемъ скотовъ, а наипаче лошадей приношаху,
имѣяше твердое о семъ мнѣніе, яко сей есть скорѣйшій
многихъ благъ датель, а наипаче изобиліе подаеть получать
птицъ водныхъ. Въ семъ подаваніи народъ прелестію сатаны
ослѣпленъ, и наипаче являющій себе вмѣсто жерцовъ лже-
словіемъ своимъ во всей Остяцкой странѣ прославиша сего
толико, яко многія невѣжды вѣроваху чудесная пѣкая при-
мать благополучія, и многія тщетною надеждою прелценны
обезумишася: скота, его же всегда можетъ безъ трудовъ
употребляти въ препитаніе свое, пожретъ сего бѣсу сему,
самъ же чаяніемъ благъ надеженъ лѣтаемыя по воздуху
трудомъ снискать птицы, яже иногда чающе получить въ
руцѣ, очесы и мыслию лѣтаемыя по воздуху провождаетъ,
вещію же обрѣтается гладенъ и скуденъ, но обаче возлю-
бившій злобу паче благостини, неправду неже глаголати
правду прославляху его.

Г. Первоначальный же и паче всехъ настоящій кумиръ
здѣ бо за едино зѣ гусемъ бысть во единой кумирни въ Бѣ-
логорскихъ юртахъ. Сего и Кондійскимъ прежде воспомина-
хомъ, по сему что народъ сей зѣло по своему зловѣрію ко
оному имѣюще усердіе; нынѣ во время сіе егда искореняшеса
идолобѣсіе, сохраниша сего истукана и унесоша въ Конду,

откуда же и Кондійскимъ нарекоша. Тамъ же Вагулитомъ, единомысленнымъ зловѣрія своего союзникомъ, въ соблюденіе даша, сего ради и не получыхомъ видѣти и извѣстно описать о безстудномъ изображеніи его, и доселе тамо пребываетъ. соблюдаемъ, донелѣже всеялною десницею Сій и вездѣ Сій достигше сокрушить и потребить.

ГЛАВА ѿ.

О началѣ благочестія и о искорененіи идолопоклоненія въ Остяцкой странѣ.

ѿ. Яко же прежде воспоминахомъ о пространныхъ сего Сѣвѣрскаго государства предѣлахъ, ими же до славныхъ государства Китайскаго достизаетъ стѣнь, многочисленіемъ же различныхъ дивныхъ идолопоклонническаго зловѣрія народовъ населенна, — обаче отъ лѣтъ полтораста и вѣще, егда сіи роды російскому покорены скипетру, во всѣхъ сихъ зловѣріе идолюбїя невозбранно храняшеся, паче же просвѣщаетъ я свѣтомъ проповѣди евангельской и не попускахъ власти правительствующия народами сими и никто же доселѣ о спасеніи сихъ имѣ усердіе и попеченіе, донелѣие сіи имѣ искони, не уснетъ, ни воздримлетъ лежѣи о спасеніи человѣческомъ, избра таковаго правителя російскому скипетру, иже по многихъ государей отчичъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, первый именемъ Петръ, Россіи правленія воспріять скипетръ, имѣ же аки ключемъ царствія небеси отверзе симъ языкомъ двери спасенія; во дни бо своя усердный баше любитель отчества, трудолюбный же искатель благочестія, се же непрытвор-

нымъ хитрословеснаго ласкательства показуется словомъ, паче бо полуденнаго свѣта всему миру ясно зрительно истинна отъ дѣлъ является, каково усердіе имѣяше и отчеству своему, зане не толико хитрости воинскія ученія ими же прочимъ государствамъ крѣпку и страшну показа державу свою и инная ученія гражданскаго правосудія, наипаче же Богомъ угодныя премудрости еллино-славено-латинскія утверди училища и умножи ученія, еже прежде въ Россійской державѣ не быша. Се же все умножи ради благочестія взыскатель бо полезныхъ государству своему не презрѣлъ и сего разумѣнія, иже иногда великому Іустиніану воспоминаша: ничто же боліе ищи царю, яко приложить государству твоему благочестіе: се бо есть твердь и крѣпкое основаніе государству. О семъ въ началѣ благоугоднѣйшаго правленія государства своего зѣло упражнашеса и имѣя о умноженіи сего усердное попеченіе, многія премудрѣйшіе введе учителя церковныя и престолы архиерейскими правителствовать вручаше, да Богодухновеннымъ проповѣди ихъ ученіемъ умножая умножаться благочестіе. Въ то время и на престолъ Сибѣрской митрополіи его же, Всероссійскаго императора, повелѣніемъ Кіевопечерскія чудотворныя лавры эконоомъ избранъ, преосвященный Филооей, митрополитъ Сибѣрскій, и егда первое нача въ здѣшнихъ Сибѣрскихъ предѣлахъ проповидать и умножать благочестіе, искоренять же зловѣрія ихъ идолопоклоненіе.

Ѣ. Толика же ревность сего и усердное тщаніе бысть благочестія, яко не довольно бѣ въ предѣлахъ паствы своея изгонять тму кумирслуженія, но тщашеса и во окрестныя страны, прилежащія къ предѣламъ царства Сибѣрскаго, вмистить у нихъ свѣтъ проповѣди евангельской, — облежаша бо

страны царство Сибѣрское суть злочестіемъ идолопоклоненія слѣпотствующіи роды. Сего ради понуждаше его всегдашнее ревнителство всячески искать, како бы солце Боговидѣнія свѣтъ истинный евангельской ввести въ тѣя ослѣпотствующія роды, и посылалъ быше богословіи учителей даже до Китайскаго государства, тожде и до Мунгалскаго владычествующаго законоучителя и законодавца кутухти, его же вся Калмицкія роды и Китайское государство премногое почитаютъ. О его же зловѣріи вкратцѣ нѣчто извѣстити прилѣчно.

Г. Зловѣрія сей древнихъ елинскихъ любу мудрьцовъ, Пятагора и прочихъ, иже злѣ въроваху преселеніе душъ чловѣческихъ въ животная, сіе содержитъ и сей зломнѣніе, зане аще множество скота имѣеть, обаче я не убиваетъ въ своихъ селеніяхъ, но предаеть инудѣ въ рудѣ иныхъ, оттюду же мяса себѣ взимають цѣною: се же симъ явити хочеть благосердіе свое, яко не хочеть кровію осквернять жилища своя, яже почитаетъ священная, ниже здѣ повелѣваетъ быти мнимому душеубійству скотовъ: зане себе показуетъ народу, яко удаляется отъ мира и духовнаго воздержнаго житія искаатель, ниже бо и сообщенія съ мирскими людьми имѣти хочеть. Аще бо и весь Мунгалскій народъ подъ своимъ правленіемъ и властію содержитъ и въ степяхъ со оними пребываетъ, но обаче особнѣ отъ нихъ. И егда по своему обыкновенію иская пажитныхъ мѣстъ скоту своему съ мѣста на мѣсто переходятъ, со оними же и самъ владычествующій имъ законодавецъ кутухта егда преселяется раздѣлительно отъ общаго народа толико со своими тогожде житія хранителми, иже и ламами нарыцаются.

Д. Сіи ламы, по ихъ зловѣрію, почитаются яко законоучители и чиновники духовныя, жителствуютъ безъ женъ,

питія всякаго, вина и иного, ими же возмущается умъ, блюдутся, ниже вкушаютъ, толико едино обычное себѣ питіе чай употребляютъ. Умирительное же ястіе, и не тако мясъ, яко овощами питаются. И за сіе воздержательное жытіе зѣло почитаются отъ народа, зѣло же упражняются волхвованіемъ. Все же сіи ламы разные чиновства своего степени имѣютъ: инны бо низайшого, инны же высочайшаго степени суть. Превышше же всихъ властей и чиновъ первоначальный содержитъ степень делай лама, иже и Тангускую землю изобилную всихъ богатствъ подъ своею областію содержитъ и кутухту древле по себѣ втораго иногда уторы и пода Мунгаломъ, но сей первый во влеглости и далечайшей страны пребывая, добронравіемъ и властію преклони къ себѣ народъ Мунгалскій и тако утверди власть свою, яко всѣхъ сихъ поработи ласкательствомъ самовластной державѣ своей. Отсюда паче уставлено и чиновства своего чреды превознесеса и не весьма покарашеса власти делай ламы, самъ утворися равновластитель и самовластный законодавецъ народу сему. По семъ всѣ кутухтѣ даже до сего дне единъ отъ единаго поставлемъ содержитъ власть сію и тпцатся явити и себѣ единоравновластителей съ делай ламою, обаче народъ Китайскій и Калмыцкій и отъ Индіи вящше власти и достоинства почитаютъ быть делай ламу, зане сего зѣло въ дѣйствіи о мечтахъ сатаниныхъ сила мнать быти кудесника и волхвованіемъ низводящаго вѣтръ, мразъ, дождь, егда хочеть. Паче же разумѣютъ будущихъ предвидителя, еже предвидѣніе отсюда слѣпотствующему народу являетъ, грядущихъ бо къ себѣ на поклоненіе нѣсколко десять поприщъ отъ жилища своего предивѣщаетъ пришествіе ихъ къ себѣ и время преодѣляетъ, еже и збывается во время назна-

менованное. Отъ него всегда же сіи роды Калмицкій, Китайскій и Индійскій волхвованія тщательнѣ изучаются, всякъ отъ нихъ мразъ, буру, мечты діаволски претворяють; ниже бо камо торговые ихъ люди безъ такового волхва въ путь камо дерзають ити, донелѣже такового въ караванѣ своемъ не обратять волхва, иже нисводитъ студень и влагу, ею же отъ зноя и мухъ въ тамошнихъ теплѣйшихъ странахъ скотъ и ихъ самыхъ соблюдаетъ. Толико же діаволскою силою ложно и притворно дѣйствуема нѣсть сомнѣнію какому, но паче презрѣнію достойна. Егда въ немъ внемлемъ Симона волхва, иже съ Петромъ святымъ толикими чудесы препирашеса, яко отъ ложно творимыхъ сихъ дерзну и боготворити себе, возношашеса до небесъ. Обаче егда побижденъ бысть силою свыше, вся притворно дѣйствуемая ложная явственнo очесамъ предстоящихъ открышася.

Ѣ. Тогожде искусства и волхвованія и кутухта содержитъ ученіе и зѣло въ семъ упражняется толикоже силою сатаниною дѣйствуетъ; яко отъ народа единоравныя благотворимая со ідолы своими удостояется чести и зѣло премногія сему творять почитанія, наипаче егда на иная селенія переходять, тогда поставляютъ предъ лицемъ его чашу мѣдну наполненную углія, на ню же благовонныя зелія покладаютъ вси приходящіи, егда же всядетъ на колесницу свою кутухта, предъ нимъ ідолы поставляютъ, тогда во свирѣлы и трубы необычно долгія восклицаютъ зѣло громогласно. Народъ же отдалече стоя поклоняется падше на лице свое. Нѣцци же, аще толико дымокуреніе его на жертву приносимую узрять, падаютъ на лице свое взывающе іегень кутухта: сіестъ свѣтлый рай. Сего словеса употребляютъ, аще кто напастуемый въ клеветѣ какой или въ какомъ подзорѣ клятвою себѣ очы-

стити ищеть, тогда долженъ около жилища самого кутухты трижды обходя изректи гегенъ кутухта. Аще же виновенъ чему будетъ, никогда не дерзнетъ изректи сего гегенъ кутухта, но вину, исповѣдуетъ аще и смерти за оную постраждеть.

5. Приношеніе жертвъ ихъ всегда на новомѣсячіе бываетъ, а наипаче во время празднованія главнаго ихъ, иже въ числѣхъ первыхъ февраля мѣсяца, по ихъ нарицается цаганъ: сіестъ бѣлый мѣсяцъ, его же аки начало веселія почитаютъ. Украшаетъ же себе кутухта съ ламы своими одеждою свѣтлою, власы на главахъ своихъ вся обрѣютъ и толико различными мастями и утварями лица своя украшаютъ, яко погубляющи видѣніе и красоту, старость ихъ притворною младостію обновляется и украшается, иже навсякъ новъ мѣсяцъ обычай имъ есть. Отсюда простоумень общій народъ баснословить, яко существеннѣе обновляется юность кутухты съ преминеніемъ луны. И никогда же не умираетъ, но се искусны ихъ законоучители тако разумѣютъ безсмертіе сего: не аки бы онъ существеннѣе не умиралъ, но яко душа сего съ добродѣтелями въ инаго преселяется, его же живъ суще кутухта избираетъ и предъуставляетъ на владычество свое по себѣ, — яко же и нынѣшній кутухта живъ суще избра племянника своего, сестры своея сына, его же назнаменова поставити по себѣ на степени владычества своего. Сестру же свою сію поставилъ въ ламы. И егда на всепозорномъ сѣдалищѣ съ ламы своими сѣдаетъ, тогда сію сестру свою первымъ по себѣ почитаетъ мѣсцемъ, зане и жены сего чыновства удостоаются, аще таковаго житія воздержницы желаютъ быти.

3. Егда же входити хочеть въ кумирню до почитанія и поклоненія идоловъ, тогда прежде всѣ ламы въ его хра-

мину собираются и по чину своему около его сѣдять съ премногимъ смиреніемъ сложенными на персѣхъ рудѣ, въ тишайшомъ зѣло безмолвіи; егда же сій отъ сѣдалища своего востаетъ, тогда вси сии воставшы послѣдуютъ сему; инны же предыдутъ полагающе благовонное зеліе на угліе въ чашу; предъ нимъ же сіе носятъ благоуханіе, провождають же въ кумирню со восклицаніемъ трубнимъ. Вшедше въ ню на высочайшомъ сѣдаетъ мѣстѣ. Около же сего вышшая и низжайшая степени утворенны, на нихъ же по чину своему сѣдять ламы. Предъ самого же кутухту поставляютъ седмь чашъ, яко же предъ идола, въ нихъ же медь, вода, чай, въ прочыхъ же разная сахарная ястія, ихъ же по чтеніи и пѣніи своемъ кутухта употребляетъ и прочимъ по части подаетъ, яже съ великою приемяють честію. На всякаго же главу отъ престоющихъ полагаетъ рудѣ свои вмѣсто благословенія и тако свое окончываетъ кумирслужительное почитаніе и приношеніе идоломъ.

й. Въ кумирни между различными ідола, яже всѣ въ подобіе челоувѣческое отъ мѣди, серебра и злата хитростнѣ изваянна, единъ же зѣло великою хитростію въ подобіе нѣкія жены созданъ, и сего нарицають Аюшъ; отъ стопъ же ногъ сего идола цвѣтъ селный изведенъ; весь окружается идолъ цвѣтомъ симъ, на немъ же гроздіе винное и прочіе селные цвѣты и взоры изсѣченны.

ѧ. Прежде вспомню тие послы, богословіи учителя, достигше предѣль его кутухты съ великою честію и премногою любовію прыаты и почтенны быша, яко посланіе сихъ кутухта прыемша цѣлованіемъ почти; прія же и дары посланныя любезнѣ, жезль украшенъ и прочая. По привѣтствованіи и разговорѣхъ, восхотѣ искусити учителей сицевымъ

вопросомъ: «Елико, мнѣ речете, умершихъ душъ отъ первобытія человѣческаго по своимъ изчисляя писаніямъ?» Тогда нѣкто отъ учителей таковъ неудобъ постижимый вопросъ дерзнулъ и паки вопросомъ отвѣтствовать сице: «Молю высочайшей власти вашей, колико своимъ писаніемъ по всей вселеннѣ въ сіе настоящее время изчисляется въ живомъ глѣбѣ душъ человѣческихъ?» Удивися кутухта, рече: «Невозможно сему изчисленіемъ предѣлъ положить, зане въ самое сіе время, еже слово отъ устъ исходящее содержитъ мѣсто времени, мнози могутъ по всей вселеннѣ раждатися». Учитель къ сему: «Сего ради ниже умершихъ изчисленія предѣлъ положить можемъ, зане въ самое время сіе, яко отъ устъ слово исходитъ, мнози по всей вселеннѣ умирають, и скорѣйшимъ иными путемъ переходять отъ мира, ниже въ миръ». Многа же иныя отъ писанія Божественнаго свѣтовидно показавше, тайны спасенія человѣческаго о воплощеніи Сына Божія и прочая. Откуда нѣкое возбуждашеса въ немъ усердіе слышати внѣмати повѣствуемая отъ христіанскаго писанія, чего ради остроумныхъ юношъ двухъ оставиша тамо за повелѣніемъ преосвященнаго архіерея въ дворѣ кутухты въ наученіе грамотъ и языка ихъ, дабы яснозрѣтелно показать и извѣстить могли путь вводящій въ разумъ истинный, симъ же и на спасеніе отъ заблужденія идолопоклонническаго наставить я стези. По сему не воспоминаая различно препятія, яко толика ревность и желанія не получи желаемаго безъ помоществованія свещше. Вящши же Божіимъ нѣкіимъ предувѣдѣніемъ сіе зачатое дѣло безъ пользы искаемья окончися, зане обращеніе невѣрна нѣсть человѣка хотяща, но Бога милующаго.

І. По времени Всевышняго правленіемъ преосвященный митрополитъ Филоеѣй остави власти архіерейской правленіе,

воспріять схимонашескій чинъ. Престоль Сибѣрской митрополіи по немъ воспріять преосвященный Іоанъ, архиепископъ Черниговскій, и бысть правителствующій архіерей престола митрополіи Сибѣрской. Равно же усердно ревнитель и трудолюбный искатель благочестія преждний же возжелѣ въ тишайшомъ пребыть безмолвіи и уклонитися въ прежднюю свою великія чудотворныя Печерскія лавры обитель. И уже бѣста нозѣ намирены теши къ тишайшему безмолвію, обаче Вышняго правленіемъ обратшася къ громогласному благовѣствованію спасенія роду человѣческому. Высокимъ бо повелѣніемъ Царскаго Величества приѣмше правителствовать губернію царства Сибѣрскаго, князь Матеей Петровичъ Гагарынъ, иже яко первый бысть губернаторъ Сибѣры, тако и первый въ ней отнелиже подъ область Російскихъ монарховъ преиде благочестія умножитель, первое убо благоразумнаго правленія своего показа начало, егда наипаче Божественная о умноженіи благочестіе, еже всему государству, зане сіе много ползуетъ государствамъ, усердное начать имѣть попеченіе и путешествіе преосвященнаго инудѣ намѣреніе оудержа, и обрати на стези общаго спасенія рода человѣческаго, возбуди въ семъ древнее его желаніе и усердное искаемое яви сему благополучіе, аще же и старостию изнемогнаго, обаче благоразумнѣ предувидѣ и предъизбра крѣпкаго и достойнаго таковой вещи трудолюбца, яко послѣдствующыя свѣтовидно покажутъ, како неудобъ носима пры такой старости, въ ней же умножаетъ трудъ и болѣзнь, понесе и претерпѣ усердно, благодатію свышше укрѣпляемъ.

Ѧі. Не медля же воспріять усердно начало благовѣствованія сего и проповиди евангелской 1841 году, и первое

нача въ странѣ Остяцкой, идѣ же непритворнымъ воспоминаая ласкательства словомъ, зане отъ дѣлъ вяще узрится толь достойная похвалы и удивленія ревность иже старостию изнемогшаго на толикія воздвиже труды и путешествіе по тѣхъ мразныхъ и мрачныхъ странахъ, мню бо, яко не мягкія здѣ, якоже инде благовѣствующихъ нозѣ благовонныя крыны, инше пранныя Китайскія и Индійскія земли удостоятся наступать, отъ нихъ же и свои страна и обители наполняютъ и удовлетворяютъ благовоніемъ; но здѣ трудится избра сей трудолюбный ревнитель, по смрадныхъ, пустыхъ и жестокихъ мѣстехъ необычнымъ жителствующихъ пребываніемъ и зловредительною язвою [о ней же прежде], вѣденію чловѣческому ужасныхъ и неприятныхъ. Обаче, вмѣсто криновъ селныхъ обрѣте благовонный вертоградъ, церьковъ Христову, ново собраніе вѣрныхъ, еже принеслъ изъ Египта отъ работы діавольскія и нечестія идолопоклонническаго свобода пресели изъ Египта народъ сей въ вертоградъ Христовъ. И бысть сему благопріятный плодъ веселія и благовонія, егда трудовъ своихъ желаемое сниска благополучія, избавленія же ради слѣпотствующаго народа сего, аки послѣдки всего мира, никто не бѣ дабы зрѣти и вѣдѣти восхотѣлъ погибшую сію тварь, аще не бы Всевышняго десница толь равно и умирительно избрала и предпоставила обоихъ ревнителей, такъ правителя царственной Сѣбиры, яко и трудолюбнаго благочестія сего проповѣдника и учителя. Елико бѣ трудъ сего, толико подаваше помощи благоразумное губернатора правленіе и облегчаваше трудъ, а идѣже нужда и недостаточество убѣждаше труждающагося проповѣдника, таможь егоже, предостойнѣйшаго губернатора, щедролюбивое благоутробіе всѣмъ изобиліемъ удовлетворяше; единою рещы, яко Вышняго правленіемъ

соединенны обоихъ добродѣтели, ревность учителя со благоусердіемъ правителя, трудъ проповѣдника съ благостынею многомогнанаго властителя, за едино совокупленны крѣпцы сташа низрынути и разрушити владычество и престоль сатанинвъ царствующій и гнѣздящійся въ семь Остяцкомъ идолопоклонническомъ родѣ.

Ѣ. Егда же его княжая свѣтлость, губернаторъ Сибѣры, избравши достойнаго таковой вещи учителя, всяческими же нуждами изобилно удоволившы сего отпусти воднымъ плаваніемъ въ семь настоящемъ году 1741, тогда проповѣдникъ и учитель устави себѣ, первое, крѣпкія нечестія столпы и основаніе ихъ, на чемъ утверждаху злочестіе свое, низрынуть, разорити капища, опровергти и сокрушити вся идолы. Симъ первое слѣпотствующему роду возмогли свѣтовидно явить немощъ сихъ бездушныхъ истукановъ, и яко человѣческихъ рукъ зданіе бысть, тако человѣческими руцѣ сокрушается, и ихъ же зломнѣніемъ своихъ чаяху всемогнанныхъ, и помоществованія отъ сихъ требоваху, нынѣ да зратъ себѣ помощи не могущихъ искоренити: тако первое твердъ нечестія, идѣже восхотѣ насаждати и водрузити благочестіе, прогнати тму невѣрія. Оттуду, идѣже свѣтлое благодати Божьей и проповѣди евангелской ввести подобаше познаніе, наченше убо отъ первыхъ жилищъ ихъ по Иртишу, яже въ трехъ днехъ тихимъ плаваніемъ достизаются отъ Тоболска. Вся кумиры, истуканы бездушныя сокрушиша, скверныя капища и кумирницы разориша и сожгоша. Прострежесе падежъ и разореніе сихъ даже до Березова; и все сіе идолобѣсіе паде неисцѣльнымъ падежемъ, аще же и видяху слѣпотствующій народъ немощъ бездушныхъ сихъ и ничтоже влцше, яко древо истлѣнію предающеся, обаче ревностію злочестія по-

мраченны противяхуся, возбраняюще кумири своя, нѣцци же во время надежа боготворимыхъ истукановъ ихъ лживыя чудеса лжеславяху оныя.

Гі. О старику Обскому, иже бѣ у нихъ мнимый богъ рыбъ, лжеславяху чудесное нѣкое: Егда бо сего сожещы хотяху, и крѣпко противящеса, возбраняху, но обаче поучительными словесы изъясниша имъ, яко сей бездушный истуканъ ничтоже есть паче древа, еже вселшагося въ себѣ содержати діавола, и не толико многомошенъ помоществовать вамъ, изобиліемъ какимъ удоволять, но паче отъ васъ нынѣ соблюденія и помоществованія требуетъ. Не ослѣпляйте убо себе зломнѣніемъ, аки препитаемы отъ сего есте, но выцше сами снѣдаемы во имѣніяхъ своихъ и пожираемы есте сквернымъ сему приношеніемъ жертвъ. Внемлите, яко вся стихія: огонь, земля, воздухъ, море и вся, аже въ нихъ единого всея твари Творца премудростію созданна суть въ употребленіе человекъ и Его вышнею десницею всехъ благъ даваніе есть. Тогда мало свѣрѣньства противниковъ укротиша тишайшыя словеса сія и попустиша боготворимаго своего истукана предати огню; обаче злохитрство нѣкихъ и злочестія ревность, гнѣздящаяся въ сердцахъ, понуди лжеславити чудеса нѣкая: сожигаемаго убо зраще кумира, притвориша себе видѣти отъ пламене подобіемъ лебеда излетѣвшаго, и вездѣ лестцы и лжеслужытелие расѣяша плевелы сіи; инны же весьма глаголють не быти сему. Аще же бы и притворился инымъ тако сатана, ничтоже дивно: могій попущеніемъ Божиимъ иногда огонь свести съ небеси, кое чудо отъ огня и пламене убѣжати дѣйствуемому во идолѣ сатанѣ, коварныя своя прелятія держащимся невѣрія оставляя сумнѣніе. Но ничто же успѣ хитроковарная злоба сего: не сохрани бо себе,

ниже своего жилища, ни другія лестію сею соблюде бѣсовскія хранилища, аще и вѣще подвизася въ соблюденія нечестія своего.

Ѧ. Въ Шорковыхъ юртахъ бѣ кумиръ изсѣченъ отъ древа въ подобіе человѣче, сребренъ, иміющъ лице: сей дѣйствіемъ сатанинымъ проглагола бездушный и предвозвѣсти надходящее себѣ близъ разореніе отъ десницы проповѣдника и учителя, моляше ревнителей и служителей своихъ, дабы восхотѣли поревновать древнему отцу своихъ зловѣрію и крѣпко противостать проповиди; себе же самъ всячески обѣща не поуститъ сокрушенію. Симъ злехитрствомъ возбуди въ народѣ толику по себѣ ревность, яко согласишася всѣ стать даже до крове, ниже идола поуститъ сокрушати, великодушествуя надеждою, яко обѣщася самъ себе возбранити, ниже проповиди внимати. Егда же вскорѣ поспѣши проповѣдникъ и учитель и повелѣ сего идола сокрушити, народъ, духомъ бѣсовскимъ наущенъ, со убійственною на всихъ устремися рукою. Обаче учитель тишайшими словесы ярость ихъ смиры, явственно показуя всѣмъ немощь сего, яко ниже себе возбранити, ниже что проглаголати можетъ: бѣ бо уже нѣмъ и безгласенъ, яко бездушно древо, и ничтоже злѣ намирннаго своего коварства сила Вышняго попусти дѣйствовать; но обѣщавыйся ложнѣ, а не могій себе соблюсти, преданъ есть огню со всѣмъ своимъ богомерзскимъ капищемъ.

Ѧ. Поспѣшествомъ Всесилнаго и благодатію Его помощію путь сей простирашеся неспраздно, но вездѣ сокрушая идолобѣсіе достигоша даже до Кюдийскаго монастыря, * которой стоитъ за великою рѣкою Обью, на правой сторонѣ той рѣки Оби *, идѣ же многимъ собраннымъ Остяцкаго народа кумиролужителемъ довольно нача преосвященный архіерей пропо-

вѣдїю открывать свѣтъ истинный евангелскїй. И не тще бысть ученїе, зане первоначально возсія благодать сія въ сердцѣ нѣкоего княжика Алачева, иже бѣ знаменитого племени остяцкихъ княжиковъ. Той вожделѣ первіе просвѣтитися крещенїемъ Господнимъ. Егда же бѣ окрещенъ, присѣдѣше всегдашнему ученїю, въ немъ же случыся слышати, яко вся Россїя здревле одержима бысть кумиролуженїемъ, и первѣе въ Кїевѣ во дни святаго Владымера возсія свѣтъ благодати Божїей, имъ же вся просвѣтися Россїя. Внемши убо се и княжикъ сей вожделѣ мѣстыца сія сватыя видѣти, его же преосвященный архїерей радостнѣ, для утвержденїя начинающагося въ немъ благочестїя, посла въ Кїевъ, идѣ же сіяющими благодати Божїей чудеса вящше увѣренъ бысть возвратися. Проповѣдникъ же и учитель о семъ благополучномъ начинанїи всеусерднѣ радующеса, яко непостыжимая и безмѣрная Спасителя рода человѣческаго благодать утвори толь благополучїя начатки, яко безвѣстныя закоснѣвшыя древностїю зловѣрныя роды начаша почитати и поклонятися мѣстамъ сватымъ, еже отъ дни святаго Владымера доселѣ не бысть. Еще же здѣ тринадцать человекъ проповѣдъ евангелскую прїяша, свѣтомъ же истинны ей просвѣтишися и купелїею крещенїя Господня очыстивши скверну свою идолобѣсія, наипаче же упражняхуса и прилѣжное имѣяху тщанїе разрушѣть престолъ владычества сатанина, крѣпкія и твердыя его кумиры и бѣсовскїя хранилища ихъ сокрушати, низринувши убо сія и изтребивши даже до Березова града, а идѣже бяху скверная капища, тамо знаменїя царскїя побѣды, крестъ Христовъ водружати, и возвратишася наикъ въ Тоболскъ.

ГЛАВА Б.

О крещеніи Остяковъ въ году 4577.

Первоначальный благочестіа въ народѣ семъ снискатель, его княжая свѣтлость губернаторъ Сѣбѣры, ревнуя поревновахъ приложить тщаніе о умноженіи проповѣди евангелскіе, и паки въ семъ настоящемъ году 4577 всѣми нуждами удоволивши, тогожде предизбраннаго проповѣди евангелскіе учителя, преосвященнаго архіерея, угоднымъ плаваніемъ въ тыяжде Остяцкія отпусти селенія. Народъ же, видѣвше прежде тверды нечестія ихъ боготворимыя идола падшья, и толь стершую мнимую силу ихъ, яко ничтоже вѣще креста видѣти, яко прахъ и пепель, отсюду довольно мракъ кумирслуженія ослѣпляючи сотресе очесъ ихъ, яко отверзостеса очи има пріятнѣе взирати на свѣтъ проповѣди евангелскія, яже яко просвѣтителница ума показавше имъ познати истиннаго Бога. Учитель же внутрь селенія ихъ достигши юртъ Восполскихъ, Кавзимскихъ, Шорковскихъ, Бѣлогорскихъ и прочіихъ, довольно повседневымъ ученіемъ проповѣди евангелскія просвѣщаше; свѣтомъ же оныя мнози просвѣтишася, и купелію же крещенія Господня многимъ дадеся свышше отродитися въ но-

вого чловѣка. Десница бо Господня погуби злбу идолю, низведе съ небесъ милость, искорени работу, утвори свобожденіе, а яже и чада быша работы діавольскія, нынѣ удостоишася сѣны свободныя быти благодати Божіей. Потече толь пространно проповѣдь сія, яко вся наполнися Остяцкая страна. Обаче различныя искони благъ ненавистникъ коварныя благополучному началу утворяше препятія.

К. Юрты нѣкія, нарицаемыя Атлымъ, его же мнятъ отъ повѣствованія древнихъ тамошнихъ жителей быти населенна Пансотникомъ, кудесникомъ нѣкимъ, иже со святымъ Стефаномъ, епископомъ Пермскимъ, препирашася отъ зловѣрія своего; послѣди же побѣжденъ въ злочестіи своемъ убѣжа съ Перму за Камень, въ Сибѣрскую страну и ту поселися. Обаче на древнемъ семъ нечестивомъ иногда жилищѣ, идѣ же народа противникъ спасенія чловѣческаго различныя коварства и препятія распростре сѣти, собрася бо множество народа совокупнѣ стати противо проповѣди евангелскія; учитель же проповѣди, егда простре ученіе свое, не толико ушима тяжко слышаша, но вѣщше подвизахуся яростію, и на мнозѣ противо боряхуся, обаче повинушася истѣннѣ и благополезному проповѣдника преклонишася наставленію. Но исполненъ врагъ сый безмѣрнаго злохитрства возбуди нѣкоего отъ среды ихъ, его же и злообразіе знамени злонравна чловѣка, зѣло бо злѣ изображенна бысть ему лицезрѣніе чловѣческое: малъ, чернъ, худъ, толикоже злонравенъ, яко всихъ отврати лестію своею противо уклонитися. И начаша самого учителя отъ пристанища отгонити. Попусташа же неугодную пристань, идѣ же мѣлочъ гѣскомъ нанесенна бяше волнами, волнамъ же въ то время належащымъ сокрушашася судно, и не мало бѣ печалію одержимъ учитель, зане весь народъ противо ста,

возмущенъ злонравнымъ и злообразнымъ прелестникомъ. Обаче не преста учениемъ просвѣщати тихомирными словесы, нача молити: «Зру васъ, рече, мужей благоразумныхъ, не противоборцевъ истинны, молю васъ оставити сего мужа младоумна, игралице дѣтское: не достоить бо одинаго сего безумными словесы толико искуснымъ мужемъ прелщатися». Сими же благопріятными, паче учительными словесы воздвиже въ нихъ усердіе, яко вси презрѣвше мятежныя сего прекословія всерадостно и единокупно начаша приходити въ купель крещенія Господня. Хотящій же всимъ спастися и самаго мятежника отъ вѣчныя погибели соблюде, но прысовокупи томужеде единому вѣрныхъ собранію, обрѣтшему животъ вѣчный: не восхотѣ бо отстатися своєю дружбыны во единомысліе и едино исповѣданіе вѣры съ прочыими прійде.

Г. Егда же въ купѣль крещенія Господня прихождаху возмущенны и паки лстивымъ духомъ молаху, да женъ и дѣти оставитъ не крещенныхъ, усумнѣвахуса бо, да нѣкакимъ случаемъ отъ малыхъ отрочать въ водѣ кто утопленъ будетъ, се же остроковарнымъ своимъ злѣ намирениемъ нанесе имъ врагъ сіе сумнѣніе, яко сему явѣ послѣдствова коварства его дѣло. Учитель же отъ ревности чрезъ истолковниковъ языка ихъ отвѣтствоваше: «Аще единому отъ васъ събудеться, се не пощадѣте жытія моего, но въ тую же мя въверзѣте глубину: се даю вамъ извѣтъ на ся, надеженъ крѣпкаго въ семь Спасителя моего заступника». Наченшу убо отрицанію егда священникъ единой отъ женъ предстоящей дуну рекъ: «иждени отъ нея», внезапно паде аки мертва. Сицевымъ нечаяннымъ падежемъ мнози ужаснушася и устремишася, мняще, яко въ сихъ словахъ нѣкая невидимая убивающая сила есть, иніи же страхомъ симъ понуждаеми бяху на ярость. Священ-

ницы же снемъше ю отъ земли отрыцать не престаша, донелъ же аки отъ сна нача мало приходити въ себѣ. Егда же вопрошаема бѣ: откуда сицевымъ недухомъ поражена бысть, — яви, яко прежде во своемъ злочестіи имѣ съ демоны своя волхвованія, «и сего ради нѣкимъ духомъ недуга убѣждена быхъ, но сей остави мя нынѣ». И тако суетная сего злохитрства ничтоже возмогоша препяти, егда всѣ въ купель крещенія Господня радостнѣ течаху, повинуюся богодухновенному наставленію.

А. Не преста же неукротимый злохитрства искони коварникъ острѣйшая изобрести оружіе раба Антыхристовъ, лстиваго отрока Махометанова зловѣрія, никоего скверносвященствующа въ нихъ Абыза. Покусися ввести въ сей Остяцкой родъ для прелщенія въ ихъ злочестіе махометанское, и первое вніде въ Бурейковы юрты, нача тамо нечестія своего сѣяти плевелы, идѣже благочестія благовонныя начаша простати крыны, наипаче же симъ ласкателствомъ начаша отвращати народъ отъ ново зачинающагося благочестія, предлагая законъ христіанскій народу сему зѣло тяжестію великою быти, жестокою и неудобъ носимою, яко возбраняеть многоженства, посты тяжчайшыя налагаеть; иногда воздержатися отъ мясъ; въ противъ же тѣлу показоваше въ своемъ злочестіи многоженство: елико восхоцеть, толико по закону ихъ же держати могутъ, мясомъ лошадинымъ и прочіими невозбранно наслаждатися, яковою прелестію народъ зѣло преклоняху къ своему злочестію. Различная предлагая ласкателства, наипаче малое нѣкое премѣненіе древняго злочестія ихъ и усоединеніе зловѣрія махометанска, и ничтоже яко принять едино обрѣзаніе и Махомета священо почитити, иже и во ономъ вѣщцы вся благая приуготовляеть: женъ прекрасныхъ и вся-

кимъ благолѣпѣемъ почтенныхъ многое число всякому имѣти обѣща, яже будутъ намъ и вамъ, христiане же сего благополучiя не имѣти муть, и прочыя иныя блядословяху. Народъ же сему пристрастепъ, зане зѣло женолюбивъ есть, внимаше прелестемъ ихъ, а наипаче поощраше мнимымъ во ономъ вѣщѣ женъ благопрятствомъ, и начаша себѣ нарицати бесурмань. И симъ прелщены воздвигоша кличи, и возярившейся народъ, похитивши луки, стрѣлы, копия, пищали, начаша стрѣляти, и (отъ нашихъ?) трехъ смертнѣ уязвиша и самаго въ проповѣди перваго въ чрево удари княжикъ исъ пищали; но Божия чудеснѣ соблюде десница, ибо пу(ля) вкругъ изрѣза токмо одежду и противу тогожъ мѣста хребта изийде. И тако прочая ины едва явѣ убѣгоша. Обаче ничтоже успѣ прелестъ сего ослѣпляющая и помрачающая умы: идѣ же бо возсія свѣтъ истинный евангелский, иже обнови духомъ разума ихъ, тамо прелестъ и злохитрство сего узнавше лжи проповѣдника, отъ предѣлъ изгнаша, вси же присовокупшася крещенію и благочестию.

Ѣ. Всегда же постыжденъ и побѣжденъ, противникъ спасенiя въ своемъ коварствѣ злобы и зависти вяцше исполнися, пагубныя своя и паки простре сѣти. Временемъ нѣкимъ пловуще по великой рѣки Обы, сташа у берега и утвердиша крѣпцѣ судно. Работный же съ прочіими видѣвше належащую тишину, изыйдоша на брегъ ноцнаго ради упокоенiя. Часу убо третiаго ноци, егда всѣ на берегу уснуша, въ суднѣ же оставшемъ зъ священникомъ окончающе вечерняя своя моленiя, абіе нача судно колебаться; егда же верхъ взыйдоша судна видѣти, что сія суть, тогда узриша себѣ посредѣ волнѣ. Внезапу же возшумѣ духъ буренъ, возмутися вѣтръ, яко судно волнами сѣмо и овамо носимо, мяншеся опро-

верженно быти, еже обычно на великой рѣки Обы ради зѣло жестокихъ волнь бываетъ. Мало же оставльшіяся въ суднѣ видяще себѣ немогущихъ помощи, зѣло ужасошася, и не хотяше взирати на страхъ и ужасъ приближающейя смерти, убѣжаша всѣ внутри судна. Проповѣди же учитель, преосвященный архіерей, оста съ единымъ служащимъ верхъ судна, несумѣнно надеженъ крѣпкаго Спасителя своего помощи и заступленія, дерзну неудобъ возносимо вознести мало вѣтрило, еже поемше вѣтръ вящше воздвиже и постави судно прямо на волнахъ. Оттуду же безъ кормчія понесе ко угодной и тишайшей пристани, идѣ же спасошася сего правленіемъ, его же море и вѣтры послушаютъ, зане и мѣсто обрѣтохомъ угодно; вѣтры и волны утишишася. Послѣди же получихомъ извѣстіе отъ новокрещенныхъ иноземцовъ, яко оны въ самое сіе время вѣдиша по воздуху летѣвшаго огнепална нѣкоего мужа вооруженна и копіемъ въ судно учителя ударяющаго, восклицающа же: «Вторицею терплю ти; въ третіе же не потерплю».

Ѣ. Толикими убо бѣды и труды ревность учителя всегда утружденна баше, аки кораблю волнуяся, противными вѣтры дыханій сѣмо и овамо носимъ, обаче къ своему течаше предуставленію. Тако и ревность учителя сего (избѣжа?) бѣды волнуяся. Иногда старость, еже самый недугъ есть, жестокостію и остротою воздуха тамошнего поражается баше. Иногда многотруднымъ путешествіемъ изнамагаше, иногда смущенія исполненна ужаса противниковъ ярость устрашаше. Обаче не устрашися, ниже изнеможе непреодолѣнна ревность, но до сего всегда течаше намѣренія, донелѣже сіе обрете доброе пристанище, идѣ же по небезбѣдномъ плаваніи вѣнчаша трудъ его искаемымъ благополучіи удостои бо ся въ семь

году толикія благодати з помощью Вышняго, яко три тысячи пять сотъ душъ крестисася и наполнися Иртишь, Обь и прочія протоки благодати Вышняго, яко бысть имъ просвѣщатися и освѣщатися свышше Духомъ Господнимъ, и самыя же небеса чудеснымъ нѣкимъ присуствоваша крещенію ихъ благодѣаніемъ. Многоразличнымъ бо временемъ по различныхъ мѣстахъ множество крестисася, но нигдѣ же не бысть безъ дождевнаго лянія, аки бы самыя небеса на омытіе скверны идолскія помоществоваху иногда настоящей тишинѣ, сияющу солнцу противу мняшеса быти дождь; егда же начынашеса крещеніе, тогда нечаянно и хлябы небеса отверзостася благоприятнымъ дожда ляніемъ, являя симъ угасити гнѣвъ и ярость Вышняго, разжеженную кумирслуженіемъ. Окончева я убо зимного ради надходящего времени плаваніе и труды своя, проповѣдникъ и учитель удоволившы благополучіемъ, остави вся протоки сія толь благодати Вышняго наполненны, яко что баше иногда мерзостна кумирслуженія оскверненны, нынѣ осияемы свышше благодатию удостоишася быти омытіемъ скверны идолской, купелію же спасенія человѣческаго, наипаче же множайшимъ бысть купель спасенія великая рѣка Обь, о ней же достойно приличествуеъ ритми написаніе:

Море когдася Евреомъ спасеніе въ пути
 Бысть, но въ томъ же спасающимъ згибъ Фараонъ люты.
 Такъ славна Обь бысть моремъ люту Фараону,
 Языкомъ спасеніе и путь до Сіону.
 Зміеву же испали водою си главу,
 Юже престоль господство гордящуся славу
 Вознесли въ языцѣхъ, но той вознесенный
 Сокрушы Обь волнами народъ свободенный.
 Воспѣтъ благословенны обскіе суть волюны
 Плѣвенныхъ врагомъ роды свобождають волюны.

ГЛАВА 5.

О крещеніи Вануличъ въ року 1741.

Народъ сей Вагулскій zaczynaеть селеніе свое надъ рѣкою нарицаемою Тура, обдержыть же селеніемъ своимъ и вершины Тавды рѣки. Множество же вѣщное сего народа сѣде надъ рѣкою Кондою, идѣ же и князька своего имѣють и вѣщнымъ сіи сего повиновеніемъ, неже Остяки своихъ князьковъ почитають. Жытелствующіи же на Тавдѣ и Кондѣ прилежать присудомъ въ градъ Пелымъ и настоящимъ тамо правителствуются комендатомъ. Имѣють же предѣлы своя различно: яже на Тавдѣ и Туры — имѣють съ Татары, отъ нихъ же навькоша сіи земледѣлю и упражняются зъ прилежаніемъ труда въ сѣянію и собраніи плодовъ. А яже на Кондѣ рѣки жытелствуютъ, сіи предѣлъ свой имѣють съ Остяки и питаются дивнымъ зеліемъ, звѣромъ, рибою. Помоществуеть же скудному препитанію ихъ Конда рѣка изобиліемъ дивныхъ овощей, ягодъ брусники и рыбы доволствомъ; производить зподъ камене Верхотурского и впадаетъ въ Иртишь, юже обходятъ бреги зѣло прекрасными лѣсами и пажытнымъ ку препитанію скота мѣстцами; зряться же и хлѣбородныя

нѣкія мѣста, зане нѣцѣи отъ Вагуличъ ячмѣнъ и овесъ сѣють и собирають преисполненнымъ изобиліемъ, при исходѣ же въ Иртишы, идѣ же и предѣлы своя Вагуличи съ Остяки имѣють.

к. Народъ сей разньствуеть языконарѣчїемъ; обычаи же своими единоправенъ во всемъ со Остяки и обхожденіи со оными. Такожде бо ниже писмены каковыя имѣють, ниже гражданскія обычая, ниже коего художества, руководѣліе, но обще еднѣнъ житія промыслъ, ловленіе рыбъ, птицъ и стрѣланіе звѣра. Обаче же подобѣйшыи красоты человѣческой, неже Остякъ, крѣпчайшій і далеко мужественнѣйшій, и не повреждени такою язвою, яко Остаки; не тако же многолюденъ, яко Остяцкїй народъ, ему же не толико обычаи подобенъ, но и злочестїемъ своимъ единоправенъ.

г. Единое бо сихъ богомерзкое кумирслуженіе и одинако различное многобожіе, таяжде бо бездушныя почитаютъ истуканы, поклоняющесе древу, въ подобіе человѣческое изсѣченну; копію нѣкоему, прочымъ же, и подобія неимущымъ, поклоняхуся древомъ; и таково единомысленнѣ сочета сихъ злочестіе. Въ сихъ обычаяхъ въ приношеніи скверныхъ жертвъ яко ни мало разнствїа зреться во всемъ почитаніи богомерзского многобожїа ихъ, сего ради ничтоже особнѣйшого обрѣтохомъ писать. Толико мало что извѣстимъ о особнѣйшыхъ идолахъ.

д. Въ черныхъ юртахъ, нѣсколико попрыщъ отъ града Пелыма, боготвораху едино копіе, къ нему же малое нѣкое каменіе привязано бысть, еже имѣяху за настоящаго идола, древностію отъ старейшынъ своихъ почитаемое, ихъ же послѣдствуя тмѣ и слѣпотѣ прародителей своихъ ревнуя зѣло почитаху, въ немъ же нѣкія хитроковарныя мечты дѣй-

ствіемъ сатанинымъ творыма бываху. Егда бо въ жертву сего скверную приведется скоть каковъ, обычно же лошадь, тогда жрецъ единою толико рукою вознесши копіе сие легко полагаеть на хребетъ скота, и аще крѣпчайшій будетъ, паде на колѣнѣ, и нѣкоею невидимою тяжестію томленно бываеть, даже до поту, стена, досели возстать и исправиться не може, донели же само копіа облегчается: и жрецъ е и паки воспримлетъ. Зловѣремъ же своимъ мнѣть, яко сей ихъ боготворымый въ семь копій духъ утѣшается приношеніемъ благоугодной жертвы. Аще же и не будетъ скоту приведшому на жертву нанесенныя тягости, не примлють въ приношеніе жертвы, яко сему боготворимому адскому иркану нѣсть прятна.

Ѣ. Близъ Пелима, яко разстояніемъ попрыще, едино бысть древо листовичное, никакого подобія не имущее растомо: се такожде отъ древнихъ своихъ праотцевъ обыкоша боготворить, и ничтоже тамо бысть, яко едина кумирня и то древо, на немъ же толико бѣше навѣшано кожь лошадыныхъ отъ многочисленнаго приношенія скверныхъ жертвъ, яко удивитися древу сему толико сдержашому тяготу, многочисленное бо кожь множество на немъ бысть. Аще же и дебело бѣ, обаче отъ всегдашнихъ крове проливаемыхъ и огнепаленія неухне, ниже толико въ кожахъ безчисленно гнѣздящимся не истлѣ червіемъ.

Ѥ. Недалече отъ сего древа, яко тры попрыща, бѣ кумирня, въ ней же обрѣтохомъ пять идоловъ деревяныхъ, въ подобіе человѣческое изсѣченныхъ, обложенны рубищами; на единомъ же отъ нихъ, иже на первоначаліи поставленъ, повѣшенна бѣ кость птицы нѣкія—грудь на главѣ; предъ иными же особъ предъ кождымъ въ сосудехъ берестяныхъ кости

положены. Около же оныя главныя кумирни малыя нѣкія кумирницы, четверуголнѣ поставленна бяху на столпѣхъ высочае отъ земли яко трома лактій; всякъ же столпы въ верху изсѣченъ въ подобіе человѣче. Въ сихъ зложены бяху орудія до убіенія скота: копіе, стрѣла и прочая. Особъ же еще бысть малая кумирня, въ ней же множество костей съхраняемо бысть. Егда же вопрошаема бѣ вина отъ нихъ, чесобы толико собраніе костей соблюдаемо бѣ, простоумнѣйшии отъ нихъ невѣжы отвѣтствоваху аки бы въ нужномъ и скудномъ случаи блюдомо и уготовляемо въ свѣдѣ шайтаномъ, си есть идоломъ. Такимъ бо я именемъ по своему языку обыкоша нарыцати. Остроумнѣйшия же отъ нихъ, противу естественнаго ума, древу истукану бездушному употребляетъ пиццы, глаголють, яко чести и достоинства сего удостоишася быти приносима въ жертву, не достойно честная пометати, но соблюдатьи.

§. Первоначальный же иже въ Кондѣ идолъ по ихъ зловѣрью зѣло много почитаемъ баше. Отъ далечайшой бо волости въ приношеніе скверныхъ жертвъ прихождаху, каковымъ же сей подобіемъ или сей ли есть иже отъ Остяковъ въ Конду принесенъ, или каковъ древній Вагулицкій — безвѣстно есть, зане самымъ вѣдѣти не случыся; повѣствуется же отъ нихъ обще, яко никто же отъ нихъ тамо самыхъ въ скверное капище входити дерзаетъ, ниже княжыкъ ихъ, толико еденъ нѣкій жрецъ входитъ. Баснословятъ же и се, яко и гласъ вѣщенія, аки бы дѣтица, слышать, наипаче же егда каковыхъ жертвъ требуетъ. Почитаютъ же сего великою честію, имѣють предстоящихъ кумирницы двоихъ стражей, одѣянныхъ одеждою червленною, имущихъ копіе въ руди украшенноѣ. Сія же утвары общимъ издивеніемъ устрояютъ

и въ общемъ полагають хранилищы, и тогда употребляють, егда предстоить кумирницы: мнятъ бо, яко въ ветхомъ и нечистомъ одѣянїи не подобаше предстояти, зловѣруя, яко мерзостная скверность сего чистоты любительница есть. Множайшая же баснословія о семъ пренебрегохомъ (*зане сами не самовидцы, глаголемая же не всяко достовѣрно прѣмлется о семъ*).

И. Множайшыя идолы безчисленны бяху въ Кондѣ; но нѣкимъ Божиимъ предустроениемъ многія сожжены и сокрушены отъ рукъ творцовъ и служителей своихъ, еже бысть сице. Не удостигоша тамо нозѣ благовѣствующаго спасеніе проповѣдника, яко предвары свышше Божіе предустроеніе, правы сѣтвори ти стези текти къ скорѣйшему спасенію челоуѣческому. Кондѣйскій княжикъ, названіемъ Сатика, иже тамо правительствуетъ подручными себѣ жителствующими надъ Кондою, ему же съ послушаніемъ отчасти повинуются, зане наслѣдіе отъ племени прѣднихъ Кондѣйскихъ княжиковъ есть. Сей имѣ два сыны, и по естественной родителской любви зѣло отрочать сихъ любляше. Случаемъ же нѣкимъ, а вѣщше Божиимъ предивѣдѣніемъ разболѣстася; отецъ же печалень о болѣзни сихъ преда себе заступленію кумировъ, наипаче же вѣры себе шайманчыкомъ, си есть волшебникомъ, иже и служителемъ въ приношеніе жертвъ бывають, моля помоществованія ихъ, сихъ же усты лстивыя назнаменаша нѣкимъ идоломъ прынестъ жертву, обнадежуя несумнѣно благополучіемъ здравія сыномъ его. Въ время убо приношенія скверныхъ жертвъ, или скоро по прыношенію, оба чада умроста. Сей же исполненъ тяжчайшыя жалости, наипаче же лестію оболщенъ, прыемъ секѣру и сокрушы многія идолы; прыблизыся же самъ свышше устроеннымъ намирениемъ къ

первоначальному своему кумиру, и егда хотяше сокрушить, отъ народа молимъ бысть, и нѣкимъ мздовоздоянїемъ утолимъ, остави сего, иная же сожже огнемъ преди очищая путь благовѣствованїю, самъ же княжыкъ пребысть досели въ сумнѣнїи зловѣрїя своего.

Ѧ. Егда же предивидѣнїе Божїе тако устрои путь благовѣствованїю, и нозѣ проповѣдника не отягченны, ниже запинаемы нѣкими недостаточествы, аки крили упиренни, не закоснѣша нимало, но первие сотвориши стези поспѣвшиша, презирая трудъ и безвременїе. Уже бо начынашеса и безпутїе, обаче поспѣшествомъ Всевышнего нача путь свой къ Пелиму проповѣдникъ февруарїа въ кѡ. Благодатїю же Всевышнего предводителствуемою и поспѣшествуемою добрѣ получи на пути знаменїе. Въ пустомъ бо нѣгде мѣстци далекимъ разстоянїемъ отъ людскаго селенїа, наипаче же отъ церкви, жена христианина роды двойцу чадъ, юже мужъ оставши бѣжа снискать священника присовокупить крещенїю ихъ. Но замедленїемъ своимъ навесе усомнѣватися ей скоро прышествоїа онаго. Надлежащимъ же тамо прылежаше мимо ити посланному проповѣды учителю преосвященному архиерею, его же мимо градуща увѣдивши жена, яко архиерей есть, ужасомъ же одержыма, зане замедленїе мужа и немощъ чадъ наносятъ ей сумнѣнїе, да рожденныхъ отъ чреслъ своихъ не лишыть лона Авраамля, дерзну воплїть и молїть послѣдствующихъ, да умолятъ архиерея прыять трудъ ввести та чада въ купель крещенїа. Архиерей же слыша, немедленно повели уготовать купель крещенїа и окрестїи та младенци, предпоставляя себѣ благополучному се знаменїю, яко двоїца сихъ чадъ предїзнаменїе есть двоихъ родовъ: Остяцкого і Вагулского быти окрещеннымъ, иже трудолюбнѣ тщїтся да

свободить отъ работы идолскоѣ за едино и усыновить Восточной Православной Церкви Божой.

Г. Послѣдствова же знаменію сему вещью дѣло, мало бо оттуду прешедше приде никто отъ Вагуличъ, именовъ вагулскимъ Ляля, не услыша проповѣди Евангельской (*яко извистися истинны спасенія*), той самъ нача молити крещенія и зо всимъ домоу крестися. Сіе убо благопрятно прымши первоначаліе, достигохомъ даже до Пелима града, идѣ же сия страна Вагульская присудомъ прилежить и правителствуется тамо пребывающимъ комендантомъ. Градъ же сей прилежить прамо къ сѣверу; положенъ надъ рѣкою Тавдоу, а по другой странѣ Пелымка, отъ нея же и названіе воспрять Пелымъ. И сей есть средствіемъ нѣкимъ между волостми вагулицкими.

аГ. Въ семь аки средствіи нѣкомъ проповѣдникъ и учитель обычнымъ себѣ путемъ нача вводити проповѣды благочестія, и якоже прежде въ Остяцкомъ народѣ, въ всемъ самъ единоправномъ, добрѣ искусившися вѣсть угодно и удобное съ ними обхожденіе. Первое нача искоренять твердѣ нечестія богомерзскія идола, и вся сокрушы и сожже въ подгородныхъ волостехъ, гдѣ толико бяху идола, въ Конду же благоизволилъ послать отъ себе, желая привести князька до проповѣды Евангелской; но сей запячь бѣ нѣкоими коварствы искони благъ ненавѣстника, самъ не прійде, и своего прежде воспоминаемого настоящаго соблюде кумира. Не возможно же бѣ самому проповѣды учителю тамо въ Конду поспѣшать, зане не хотяше оставити сихъ, иже въ градѣ поучахуса проповѣдію Евангелскою; нѣцми бо лишышася тмы кумирслуженія и просвѣщахуса свѣтомъ истинны Евангелской. Прійде бо никто старейшына ихъ сотникъ волости

Ваглинской, но сей ни мало противяся проповѣди возжелл крещенія и самъ о своемъ прединамиреніи возвѣсти. Егда бо, рече, изыйдохъ изъ дому моего, се положыхъ въ сердцѣ моемъ повелѣнному повинутися и прысовокупитися крещенію, и сей начало бѣ крещенія въ градѣ, и первоначаліемъ симъ прочыи начаша приходити къ крещенію.

Ѣ. Текущей убо проповѣди пространно, сотворыша немалое препятіе ревнители злочестія, четыры знаменитые волостей сихъ мужы, иже всехъ возмутиша и препяша путь спасенія. Всѣ бо отвратипася отъ проповѣди учителя, но сей умножая умножыль трудъ проповѣди и ученія и вседневымъ поученіемъ нача изяснять заблужденіе ихъ, предлагая быти се противо естественнаго ума—боготворити руку дѣль своихъ и поклонятися утворенному отъ себе древу или каменю бездушну и нѣмому. Обаче ярость народа сего по подобію зміину затыкающы уши своя, яко аспиды глухіи, не толико внимаше ученію, но ниже слышати хотяше, зане старыну свою любить и древному прыстрастенъ злочестію: легчае бо оставить жытіе свое, ниже лишытисъ древнаго злочестія своего, уставленнаго прародителми своими. Прыложиша симъ немало печальныхъ трудовъ учителю, зане ревность благочестія возбуждаше неусыпныя труды, жалость же толико погибающаго народа непрестанно возбуждаше печалѣ, и скорбми сими продолжиша не малое время противоборущіяся, яко уже усомнѣватися и унывати. Близъ бѣ время, и мяшеса быти трудолюбное тщаніе увѣнчать печалію обнощъ всю трудихомся, ничесо же яхомъ; но сей, его же судьбы бездна многа, имъ же вѣсть судьбами спасати родъ человѣческой, нечаяннымъ благополучіемъ увѣнча трудъ благовѣствующаго учителя.

Въ день 31 марта, въ онъ же случыся праздновать Алексѣя челоуѣка Божого, проповѣды же учитель малое свое собраніе вѣрныхъ новопросвѣщенныхъ же крещеніемъ введше въ церковь поучы благочестію и удостои причаститися таинъ Божественныхъ; печалень же бѣ, яко толикаго подъемшаго труда своего мало желаемыхъ видяше благополучія; но скоро Вышнего правленіе облегчы печаль сію. Исходящи убо изъ церкви, нечаянно Тахтанская волость вѣщше двухъ сотъ челоуѣкъ притекъоста къ дверемъ церковнымъ, и надше предъ лицемъ проповѣды учителя моляху крещенія, тогда толико наченше сему желаемому радоватися благополучію. Другія благопрятнѣйшая прійдоша виденія, яко тыи прежде воспоминаемые четыри столпы нечестія, злѣ ревнители и противоборцы преклонилася къ благочестію. Десница бо Господня окамененную сердца сихъ злобу, ярость искорени и водрузи тамо милость и смиренномудріе, яко единомыслениѣ зъ прочыими приемише проповѣдника ученіе повинувшася божественному наставленію. Зъ премногимъ убо торжественнымъ благодареніемъ восприемише сихъ, поучы я, и яко въ своемъ зловѣрїи бяху злѣ ревнители, тако послѣди усердныи благочестія явилася подражатели. Мнози бо съ оными крестившася вѣщше четыриста душъ отъ разныхъ волостей, въ останія же селенія пославши священниковъ для крещенія женъ и чадъ сихъ и прочыихъ оставльшихся. Проповѣды же учитель оставилъ zde правителей и учителей благочестія новопросвѣщенному народу, самъ возвратися зъ Пелиму, зане время належащее послѣшати и паки въ Остяцкую страну.

Гі. Правящу же путь сей непраздень, но селеніями ихъ вагулицкими проходя, таяжде проповѣды ученія не престаая сѣяти и много плодъ принесе Церкви Божой, ей же мно-

гихъ крещеніемъ просвѣщенныхъ и усыновленныхъ преда. Получиша же тамо нѣцци исцѣленія, наипаче въ юртахъ, нарицаемыхъ Чорныхъ, идѣ же бѣ дванадцатолѣтняя дѣвица, въ крещеніи Марья нареченна. Сия бѣ толикого недуга, яко егда начаша отрицати ю, тогда ниже мало времени возможе постояти, но держима бѣ руками; по отрыцаніи же нача мало облегчаватися отъ болѣзни. Обаче не возможе дойти сама купели крещенія, но ведома и несома бысть; по крещеніи же сама дойде жылица своего и въ той же часъ бѣ здрава и нача сѣщи древа, аки бы не имѣвшая недуга. Такожде и младенець десяти лѣтъ бѣ боленъ ногою; одержаше бо ю пухлина. Егда же въ купель крещенія вніиде, изыиде здравъ и бѣгу ятсѣ. Мати же сего младенца, видѣвши сіе, моляше и паки погрузити его въ водѣ, да вторыцею крестится, болше отсюду совершеннѣйнаго приобращеть недугу своему здравію, и зѣло дивишасѣ таковой чудесной благодати Божой. Кто бо яко Богъ нашъ творай чудеса, въ познаніе и явленіе славы своея новопросвѣщенному роду.

14. Толико же бѣ возвращающимся путь сей благополученъ, яко не токмо сіи снискали спасеніе, до нихъ же нозѣ благовѣствующаго прійдоша, но инья, ихъ же не досязаху стопы благовѣствующаго, обаче держащыися злочестія и бѣгая отъ спасенія проповѣды сами себѣ мрежою спасенія уловиша, еже бысть сице: Егда самъ учитель проповѣди возвратися з Пелыми и по пути многихъ ученіемъ своимъ просвѣщеваше; зловѣрѣя нѣцци Махометанова близъ селенія вагулицкихъ пребывающіи убоявшесѣ сея проповѣди, пачеже хитростію діаволскою наущенный княжыкъ ихъ Кошичкихъ юртъ, видѣвши путь шествующихъ, посланныхъ преосвященнаго архіерея, иже въ градъ Тоболскъ отпущенны бяху, самъ же инымъ

путемъ отиде въ обитель Туменскую, собравшася яростію бѣсовскою возмущенны, съ убійственною рукою сихъ на мимо селенія ихъ грядущихъ посланниковъ нападоша, чающе быти zde самого учителя, но сего не обрѣтше, посланныхъ же погубити не возмогоша, зане мнози послѣдствоваху отъ Вагуличъ, желающии креститися, ихъ же нашедше убоявшеся убѣжаша. Архиерей же, увѣда о семъ, моляше гражданскаго правосудія допросити княжыка сего, чесо ради съ убійственною рукою найде на посланныхъ его, иже не къ нему бяху посланы.

15. Егда же взять сей бѣ до властей гражданскаго правосудія, онъ близъ бѣ своєю достойныя казни, отъ какой не свободися, аще бы не паки путь свой въ Остяцкую страну проповѣди учитель воспріялъ, и сего з собою поять княжыка, не тако наказанія ради, яко да поучыть его проповѣдію благочестія. Немного же держася сей тмы зловѣрія Махометанова, нача просвѣщатися ученіемъ проповѣди, прыять крещеніе. По крещеніи же отпущенъ въ Tobолскъ, идѣ же прыять его правительствующій престоломъ митрополіи Сѣбѣрской преосвященнѣйшій архіерей Іоанъ, тожде усердный и трудолюбный благочестія искатель, учреди щедролубивою десницею своею, отправи княжыка до волостей его съ священникомъ для поученія благочестія, идѣ же крестивша отъ Махометанова злочестія болше трохъ сотъ душъ, и тако злочестіе Махометаново, къ нему же не уполсанъ проповѣди учитель, нача искоренятися, Господу впреды поспѣшствующу.

ГЛАВА Э.

О крещеніи и паки Остяковъ въ року 1741-мъ.

А. Егда убо плодъ трудовъ учителя собрания вѣрныхъ проповѣдію его день отъ дне умножашеся, обаче непрестанное желаніе неусыпающія мысли понуждаше и паки старостію изнемогающею посѣтити паству свою, наипаче же вины сия принуждаху его принять путь шестіе въ глыбочайшее страны ихъ селеніе: первое, яко еще оставшіися нѣццы въ своемъ зловѣрїи укрывахуся пры исходѣ Обскомъ, близъ самого Лдистого окіяна; нѣццы же по различныхъ далнего селенія протокахъ нутемъ развращеннымъ и заблужденнымъ уклоняхуся одъ проповѣди Евангелской. Второе, яко уже паству, толикими труды собранную, начаша волцы и хищницы зловѣрїа МахOMETанска входить, и простый сей народъ, не утвержденный въ благочестїи, зѣло начаху развращать, различными прелестми смущающе сердца, невѣрїе предлагая, яко вѣра ихъ толикою содержитъ силу, что и въ ономъ вѣцѣ различными сластями житейскими и множествомъ наслаждаться будутъ, чесому народъ издревле пристрастенъ и вѣроятенъ баснемъ симъ вѣру емляше, зане и по древномъ мнѣніи

идолопоклонническаго зловѣрія житейскихъ сластей и въ ономъ вѣщѣ мнѣть быть блаженство; сихъ убо изгнанія ради, оставившихъ же идолопоклонниковъ въ познаніе истиннаго Господа и въ едино собраніе вѣрныхъ присовокупленія воспріять путь свой.

Ѣ. Наченше убо благополучнѣ путь свой з Тоболска юня Ѣі тихимъ плаваніемъ, достигохомъ въ трохъ днехъ селенія остяцкаго, юртъ нарыцаемыхъ Бурейковы, ихъ же нѣкїихъ ради прежде прешедшими временами не бысть проповѣди Евангелскої і въ своемъ доселѣ пребываше въ зловѣрыи. Прежде же пришествія учителя упреди сатана предтечи своими рабы антыхристовыми злочестія и бѣсловія Махометановы учителя. Абызъ бо нѣкїї прежде нисколько дней упреди нозѣ благовѣствующаго, мнїться быть яко духъ бѣсовскїй толь скоро носимый поспѣши тамо и къ своему тако весь народъ преклони злочестію, яко не толико внимати ученію проповѣды Евангелскої, но ниже гласа о семъ слышати хотяху. Егда же понуждашеся проповѣди учитель благовѣствованія своего испустить гласъ, тако бяху яко аспиды глухїя затыкающе ушеса своя и въ едину совокупишася юрту, ни сами отъ юрты исхождаху, ниже къ себѣ внїйти кому отъ нашихъ попуцаху.

Г. Многажды же учитель о семъ трудися посланными своими понудити я изыйти ку проповѣди Евангелскої, обаче ничтоже успѣ. Языкъ бо лстивъ, орудіе діаволское, прежде воспоминаемый абызъ поостры ихъ ярость и возбуди на убїйство, яко воскочыша толикою яростію и посланныя начаша первїи убїйствомъ прогонити и язвити, тоже устремшася же и на самый дощаникъ, отъ него же самъ изыйдый къ нимъ проповѣды учитель и воздвигше руди своя, тихо-

мирно моляше я престати отъ неповиннаго убійства; обаче дерзости и крове исполненныи руцѣ ихъ не престаша язвить и язвиша отъ нашихъ единого въ главу и ногу стрѣлами, такжеже и другого добронравнаго юношу келейника его, Павла нарицаемаго, сквозѣ стрѣла въ плещи его пронзе; такжеже изъ пищали единому руцы пробиша, тогда всѣ отъ нашихъ празды руцы имѣюще убѣгоша у дошаникъ, самого оставше на берегу проповѣди учителя; обаче ослѣпленный яростію народъ не устыдися святителскаго лица, ни противо себе буращася, но нѣкто отъ нихъ началствующій, названіемъ Уршанко, изъ пищали удари на самого проповѣди учителя и улучи прямо чрево: всѣмъ убо дивитися, но бысть се како отъ обоихъ странъ оружіе пройде одежду, его самого же нимало вреди: десницею Вышняго соблюдаемъ; отгнавши убо учителя спасенія, наставниковъ погибели злочестія Махометанова учителемъ абызомъ повинушася и восприяша бѣсурманское злочестіе.

Д. Острое убо коварства діаволскаго орудія, жестокая сихъ ярость не преця пути учителю, и аще воста брань на него, не утрашися уновая крѣпкому Спасителя своего заступленію въ далечайшыя отсюду селенія ихъ поспѣшы, идѣ же много собраннаго народа, крещеніемъ просвѣщеннаго, въ стрѣтеніе учителю исхождаху, и яко чада сего духомъ рожденная благодатію ученія его воспитанна, неизрѣченною привѣтствовавашу любовію. Учитель въ благочестіи утвержденныхъ поучаше я гражданства, какового прежде всяческій Остяцкой родъ баше чуждъ; такжеже всякого добронравія христіанскаго обучаше, злыя все и скверныя идолопоклоническаго обычая искореняше. Наипаче се, яко баше имъ обычай не по возрастѣ, ниже по достоинству лѣтъ имать себѣ въ су-

пужество жены: дѣтища убо семи-осми лѣтъ, мужу сушу двадесять и тридесять лѣтъ, емлють въ супружество и сочетовахуся беззаконно; искореняше имъ се злонравіе и обучаше христіанскимъ обычаемъ, ученіе же его сему простому и всякихъ гражданскихъ обычаевъ чуждему прежде народу бысть зѣло многополезное.

Ѣ. Умножающейся убо благодати Вышняго, по себѣ плоды вѣры и христіолюбиваго благочестія, моляху бо учителя подать имъ наставниковъ спасенія, дабы всегдашнимъ тамо пребываніемъ священницы поучали благочестію. Такожде о созиданіе церквей Божихъ всеусерднѣ моляху. Желанію же сихъ изобилное подалъ благополучіе губернаторъ Сибѣры, князь Матвѣй Петровичъ: егда по доношенію и усердномъ учителя моленіи по достойныхъ мѣстцахъ, идѣ же множайшее народа собранія селеніяхъ устроиша церкви Божьи—въ Прохоровской волости, въ Островѣ, идѣ же прежде многославиимаго скверного идола капище баше, нынѣ церкви Божія въ имя Святыя Троицы; такожде въ Сухоруковскихъ юртахъ, въ Маломъ Атламѣ; инши же, иже прысѣдять русскихъ жытелей селеніямъ, сихъ присовокупиша церквамъ Божиимъ и поручиша учителямъ церковнымъ, и тако утвердивши славы Господней умноженіе, восприяша путь свой, идѣ же еще не быста нозѣ благовѣствующихъ спасеніе.

Ѥ. Достигохомъ убо Каринкарскихъ юртъ и наченше проповѣдь спасенія учитель, яже благопріятна бысть многимъ, между ими же иже прыяша ученіе и возжадаху крещенія Господня, вожделѣ крещенія и шайтанчикъ сихъ, еже есть жрецъ, Явлакъ нарыцаемый. Сей прежде імѣя съ діаволомъ волхвованія обученіе, волшебствоваше. Егда же крестися, извѣсти намъ сіе чудесное, что прежде пришествія

проповѣды учителя союзникъ его, дьяволь, емши его мучаше надолзѣ, и биюще его слыша гласъ: «Доселѣ быхъ съ тобою, нынѣ же мя отрынулъ; се егда извѣщеваше на мя свѣдѣлствованная истинны знаменія, являше на тѣлѣ своемъ и язвы». Сего же поучивши благочестію, учитель огради сего и воружы оружіемъ крестнымъ, его же сопротивный трепещеть и трасется, не могій взирати на силу его.

З. Поспѣшествомъ же Вышнего достигохомъ и града Березова, иже удалися до Лдистого окіяна; въ нѣсколко убо днехъ з Березова достизаютъ исхода Обского въ Тасовую губу, о ней же прежде воспоминахомъ. Присидитъ же градъ сей реки Сосвы и есть многонародныхъ селеній остяцкихъ средство волостей; до сего же присуду мнози прылежатъ: Обдоръ, Сосва, Лапинъ, Кунопать и прочая властію тамошнихъ комендатовъ правительствуются, идѣ же мнози тамо въ градъ собрашася, прияша ученіе и проповѣдь Евангелскую, и купелію крещенія Господня просвѣтишася. По крещеніи же моляху учителя нѣщцы Сосвинской волостей, да молитвами своими помоществуеть имъ отъ нападенія и коварства всякаго почитаемыхъ въ ыдолѣхъ духовъ нечистыхъ, зане прежде рекоша быхомъ порабощенна има, имѣяхомъ различныя коварныя о нихъ злобы. Учитель же утвердивши крѣпкою надеждою помощи въ томъ Спасителя своего, отпусти я съ миромъ.

И. Восприятъ zde проповѣды учитель усердное свое желаніе достигнуты Обдорского селенія, и даже до самого Лдистого окіяну, но Господу лутше что прозрѣвшу инако воспятъ намѣрение сего и обрати путь его и паки въ Тоболскъ, тамо же остави священниковъ, да вся обйдуть по протокахъ селенія ихъ и осталныя присовокуплять крещенію;

ихъ же множество крестипа и нечестивыя ихъ чтилища разоряху и сожыгаху. Пришедшу въ Тоболскъ, обрете зде въ Тоболску въ ужилищахъ прежде воспоминаемаго Уршанка зъ множествомъ своихъ единомысленниковъ, ихъ же власти гражданскаго правосудия слышасте о нападеніи его и толико много ранами уязвленныхъ, и его взяша до суду и наказанія гражданскаго. Обаче проповѣди учитель свободы его отъ ужилицъ и взять съ собою въ обитель Туменскую и тамо его поучы благочестію, и крести его, тожде и прочихъ подручныхъ единомысленниковъ его крестипа, и спасе всихъ не толико отъ належащей достойнѣ временнаго наказанія, но и вѣчныя погибели злочестія Махометанова.

Ѧ. Зимнимъ же настоящимъ временемъ не замедли проповѣди своя учитель обрати путь свой въ Вагулскую страну къ граду Пелыму, идѣ же мнози усыновленныи крещеніемъ святымъ духовная его чада любовію стрѣтаху, ихъ же поучивше благочестію и всякимъ добронравнымъ христіанскимъ обычаемъ, основа же и церкви Божья на нѣкихъ достойнѣйшихъ мѣстахъ. Самъ же вверхъ по Турѣ и по прочихъ протокахъ яже объемлетъ селеніемъ своимъ Вагулицкій народъ, всихъ сихъ усынови купелію крещенія церкви Божой помощію Вышняго не толико сихъ языковъ, и Махометанскаго злочестія Татаръ, близъ града Опанчына обитавшихъ отъ злочестія отврати. И бысть се яко отъ нечистого чисто, и отъ недостойнаго достойное произведе, зане удостои сихъ крещенія Господня. Обаче толико уже изнеможе трудами въ путешествіи семъ, яко мняшеса намъ быти близъ его сіе блаженство подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончашъ, вѣру соблюдохъ, да дастмися винець.

Апок. 5. Тиво. А

Г Л Я К Я Ы - а.

О крещеніи Вагуличовъ въ Кондѣ 1741 году.

а. Аще убо и толикимъ недугомъ одержимъ бысть, обаче всегда свишше укрѣпляемъ; ищущи спасенія человѣческаго трудятся, недугуютъ, но не изнемогаютъ, окрелѣтаваютъ, паче текутъ и не утруждаются; тако и сей учитель нашъ, лѣтнаго дождавшись времени, воспрятъ и паки путешествіе свое въ Конду воднымъ плаваніемъ, о ней же прежде воспоминахомъ, нынѣ же о устіи ея или о исходѣ мало что извистимъ, наипаче яко намъ многотруденъ и всякому плавающему бысть.

б. Устіе ея толико, яко неудобъ зрѣніемъ, и многими воды разливашеся человѣческимъ досязатъ пристанища береговъ: толико нѣкія острова являются, обаче вся сия мелка, яко нѣсть проходима суднами большими, иногда противными вѣтры судно на мѣлкихъ сихъ мѣстцахъ сокрушаемо бываетъ, до береговъ же въ сию или въ оную страну неудобъ достигнути мѣлкихъ ради мѣсть. Исходъ же самыя Конды зѣло глыбокъ, покривается водами яко неудобно сего вѣдать, и съ

премногую трудностію провѣдуя сего выплывають отъ устья въ верхъ рѣки въ два дни. Сіе и наше бысть благополучіе въ плаваніи нашомъ. Егда же изыйдохомъ въ самую Конду, тогда зѣло красными, веселыми и пажытными мѣстцами бреги ея обходящія узрѣхомъ. Бысть же намъ въ проповѣди многмятежна и преизлишны наполни учителя трудовъ смущенія, зане zde діаволь крѣпчайшее нечестія своего укрѣпилъ баше гнѣздилище, егда бо отъ различныхъ протоковъ закосненіе въ своемъ невѣрыи кумиры своя zde укываху, такожде и зъ Обы, о немъ же прежде воспоминахомъ zde, унесенъ баше, и посему всю лукавую силу свою хитроковарныя лести смущенія zde вогнѣзди и утверди, и толь бѣ отъ всея страны Остяцкія почитаемый и славимый, яко не чаяхъ сего быти сокрушенна, но паче мняху яко хотящему его сокрушты чудесною нѣкою сопротивитися силою.

г. Достигохомъ же сея тверды нечестія. Плавающимъ же намъ, егда близъ бѣхомъ жылицъ, идѣ же той скверны соблюдаемъ баше истуканъ, извѣстихомся отъ многихъ, яко собращеса многое множество вооруженныхъ, души своя хотяще положить при сквернымъ сего капищу, ниже отступити своего злочестія. Учитель же проповѣды презирая сихъ множество: «Аще ополчитесь на мя полкъ, не убоится сердце, и аще востанетъ, рече, на мя брань, на Господа уповаю» — немедленно поспѣши. Егда же достигохомъ жылицъ сихъ, нарыцаемые юрты Нахрачевы отъ имени началствующаго тамо Нахрача Евшлаева, иже есть начальникъ, державецъ и служытель скверного того истукана, узрѣхомъ множество предстоящего собранного народа, вси же сіи яростію взираху на ны; обаче и благопрятство явиша намъ, яко въ началѣ не возбраниша оруженемъ ко берегу жылицъ своихъ пристати.

д. У пристани же изыдохомъ къ собранному народу и началнику ихъ Нахрачу Евплаеву и привѣтствовахомъ отъ лица проповѣды учителя всехъ сихъ мира, здравія и всякого благополучія желаніемъ. Обаче, презрѣвши сіе гражданство наше, отвѣщаша намъ: «Вѣмы вину пришествія вашего, яко ласкательствомъ своимъ хотите отвратити насъ отъ древнихъ вѣры нашей и отдревле почитаемого нами помощника разорить, сокрушить, но всуе трудитесь: здѣ вси главы наша положимъ, сего же сѣтворити вамъ не попустимъ». — И абіе всѣ единодушно отъидоста въ скверное чтилище кумира.

е. Кумиръ же сей изсѣченъ бѣ изъ древа, одѣянъ одеждою зеленою, злообразное лице бѣлымъ желѣзомъ обложено, на главѣ его лисица черная положена; чтилище все, наипаче же сѣдалище сего украшенно сукномъ червленнымъ; поставленъ же высочае прочихъ; иныи же ниже около предстоятъ меншіи кумиры, ихъ же глаголютъ быти служителей настоящаго кумира. Иныхъ же утварей, кафтановъ, бѣлокъ и прочихъ предъ нимъ полагаемо бысть много, его же злообразіе написася подробну въ лицехъ со всимъ его знаменіемъ поставляемъ, но каково страшилище сіе бѣсовское.

ж. Бездушная шкарадъ такового себѣ избра служителя прежде воспоминаемаго Нахрача Евплаева, иже злообразенъ, чернъ, горбъ на персехъ и на плещехъ имѣющъ. Обаче толь теплъ скверного своего баше любитель кумира, яко неотступнѣ пребываше у сего. Моленіе же его чудесно. Гласъ тонцѣ испущаше, никакова нарѣчія не знаменующъ, но якъ младъ телець рыкая, послѣди же мизканіемъ нѣкакимъ окончеваше, и тако пребывая въ чтилищи своемъ многократнѣ въ день той безстудное, а паче безумное сіе твораше моленіе.

Се же не сей; какъ въ главѣ 5, но въ главѣ 1. 1.

з̄. Не толико же онъ самъ, но и весь народъ, тамо собраннй, з̄ло почитаху сего сквернаго истукана, зане прославляху сего паче истукановъ древнѣйшаго, и отсюда немалую сему причитоваху похвалу, яко во дни Ърмака, егда покоры Сибѣрь подь область російскую, и отъ того идола налагаемыя Ърмакову повеленію даяху дани наслѣдіемъ отецъ и праотецъ своихъ; сей Нахрачъ державецъ баше сего кумира, и отсюда паче иныхъ скудниковъ бѣдствующихъ единовѣрныхъ друговъ своихъ изобиліемъ и богатствомъ превознесся, зане толико баше сей нечестивый во всей Остяцкой странѣ почитаемый, яко Обскіе и прочихъ протокъ шайтанчики, сі есть служытелие кумировъ, прихождаху къ сему державцу кумира и дарами умоляху, да въ ихъ селенія отпуститъ. Егда же удоволятъ дарами и отпуститъ имъ, тогда оны въ своихъ жылицахъ тщатся сквернымъ приношеніемъ жертвъ въ скудости ползоватися.

й̄. Предстоящимъ же намъ у пристанища не малое время, толь свѣрыпъ собранъ народъ і дивый баше и чуждахуся, ниже къ намъ, ниже къ себѣ намъ приходити попущаху; обаче немалымъ временемъ навькоша друголюбного сообщенія, обхожденія съ нами, начаша нѣцны входить на судно учителя; учитель же всякимъ благопрятствомъ и любовію привлекаше къ себѣ, дабы угодиѣ возмогъ къ нимъ начати проповѣдь; обаче, егда нача учить я отставитъ нечестивыя кумиры, не въ сладость баше имъ, но горкимъ *воздыханіемъ отвѣтствоваху: «Не буди намъ се еже отринуть сего кумира, толикою древностію отецъ и праотецъ нашихъ почитаемаго. Аще же і высокѣе повелѣніе царское великаго Государя нашего есть вама кумиры и чтилища наша разоряти, обаче молимъ васъ, наложите дань на сего, яко же во дни своя Ер-

макъ на годъ взимаше три рубля; нынѣ же умножимъ и чотыри по вся годы даяти, толико оставѣте сіе повелѣніе». — Учитель же воздохну отвѣтствоваше чрезъ толковника: «Горе вамъ, яко толико васъ сатана ослѣпи безуміемъ, что благодать, туне даемую вамъ, отместите, погибель же вѣчную роду всему цѣною приобрѣсти возжелѣсте. Не ули сатана доселѣ удоволи себе погибелію душъ отецъ и праотецъ вашихъ, егда толикими древними лѣты пренебрегли спасенія вашего и оставлены бысте погибшая тварь. Нынѣ же Господь призрѣ на васъ, и содержаѣ въ руцѣ своей сердце Царево, понуди сего быти вамъ спасителемъ, положи бо на сердце его не дани сія мерзскія и безстудныя, но спасенія душъ вашихъ искать. И нама не буди се безуміе взимать погибелную цѣну душъ вашихъ, сія чотыри рубля; души же ваши толикія драгости, яко кровію всея твари Творца и Господа нашего искупленны попускать погибели вѣчной не хочу». — «Толикимъ бо ученіемъ просвѣщены, начаху усумнѣватися и ревность по нечестіи и зловѣрїи ихъ нача умалятися.

Ѣ. Времени же мало мимошедшу, учителю всегдашнимъ ученіемъ понуждающе, начаху колѣбаться въ своемъ твердомъ нечестіи, прислаша ко учителю отъ среды своея искуснѣйшихъ старѣйшинъ въ совѣтъ, како и какими статїи приступить имѣють къ благочестію, аже толь безумія исполненна явишася, яко достойны бяху всѣми симъ посмѣятися миру. Начаша же сіе посланіе свое: «Повинуемся нынѣ (рече) указу и повелѣнію Государеву. Такожде, рече, учителю, и твоего не отметнемъ ученія, но толико молимъ васъ: первое, не отрините и нашего отъ толикихъ древнихъ лѣтъ отецъ и праотецъ нашихъ почитаемаго кумира, но и егда насъ крестити соизволяете, не пренебрежите и шайтана тоеюжде почитать

честію, окрестите сего крестомъ паче насъ честнѣйшимъ, златымъ; украсить потщимся и поставитъ убо церковь отъ своего имѣнія между іконами, по обычаю, и нашего посредѣ поставимъ. Второе, мясъ лошадиныхъ да не будетъ заповѣдаемо намъ вкушать, зане нѣсть толико въ мирѣ сладкаго яденія, пріятна бо толико намъ, яко житія нашего лишитись можемъ, ниже сего сладкоястія. Прочая же наипаче молимъ, не разлучати насъ съ многими жены нашими, ниже впреды намъ возбраняти многоженства, женъ же нашихъ отнюдь не крестить вашимъ священникомъ, но сами мы окрестимъ койждо свою жену въ воду, и кресты наложимъ. Сія вся аще намъ позволено будетъ, воспріемлемъ единовѣріе и законъ вашъ».

Г. Учитель же смиреннѣ пріемше посланіе сихъ, рече имъ: «Мужіе и старцы, егда воззрѣхъ на васъ, толикою сѣдиною почтенныхъ, мно васъ быти преисполненныхъ разума, но, увы, коль сатана посмѣяся вамъ и своими коварствы толь ослѣпи умы ваша, низведе въ безуміе: не яко бо старцы, исполнены разума, и мужіе, почтенныя честію сѣдины, но яко дѣтища младоумныя, баснословисте предлагаемая. Не ули можете познати тмы съ свѣтомъ раздѣленіе: раздѣли бо Богъ между тмою и свѣтомъ, тму нарече нощь, свѣтъ же нарече день, иже явѣ вамъ творити познати. Яко не бываетъ единокупно день и нощь и особнѣ день. Всякъ въ своей разнствуетъ славѣ; како убо вы за едино смѣшаете тму съ свѣтомъ, честное съ сквернымъ, богомерзкаго кумира сочтати вождѣлесте Богопочитаемымъ іконамъ, яже лица суть изображающія самого небесъ и земли Творца, тожде и служителей его і угодниковъ Божіихъ; вы же за едино злосообразіе сіе сатанино, слѣпотствующими умы вашими почитаемое, хотите причтати единоравной сихъ чести; глаголете же и крещеніемъ

очистить сію бездушную шкаредь. Но сіе неудобное и противодѣйствующее есть всякаго разуму: како бо нечувственное сіе древо, ниже видѣнія, ни слышанія, ни осязаніе имущее, таковой тайны удостоити: крещенію бо согласуетъ соизволеніе. О немъ же и васъ молю: не буди вамъ сердца окамененныя и нечувственныя крещенія, но преклоните чувствія ваша воспріять тайну спасенія вашего, и аще хотите единовѣрны съ нами быти, повинуйтеся наставленію нашему и нашимъ христіанскимъ ученіямъ, ничто же сами вѣдуще: како бо и жены ваша сами крестити глаголете, не имѣюще на се данныя вамъ благодати: не мнѣте бо яко единою водою очищается, но дѣйствующая невидимо благодать Святаго Духа, нашимъ подаваемая смиреніемъ, васъ освящаетъ и просвѣщаетъ. Отверзѣте убо, возлюбленніи, вся ваша прекословныя басни, яже посмѣваяся сатана уму вашему сіа наноситъ козни; пріимите, молю васъ, единовѣріе и единомысліе съ нами, да будете единоутробны намъ братія и сынове Церкви Божія». — Обаче симъ толикимъ ученіемъ не у повинущася, но паче свирѣпы отъидоста посланники къ собранію своему.

Ѧ. Пріемше убо извѣстіе отъ посланныхъ, собраніе безумныхъ зѣло возмутися и противостаа проповѣди вяще, убійствомъ дышуще на ны, начаша поносити намъ и укоряху, яко вси отчаяхомся спасенія ихъ. Обаче, учитель не сумнѣвашеся, глаголаше нѣкимъ Божиимъ предувидѣніемъ вскорѣ узрѣти ихъ въ купели крещенія, яже и собысться. Настоящу убо дню праздничну равноапостолнаго князя Владимира, пріиде къ учителю никто отъ собранія сихъ, почитаемый у нихъ старѣйшина, именемъ Помжукъ, яже любезнѣ присѣдяци проповѣди учителя, возжела крещенія и нача

молити учителя сподобить его крещенія. Учитель приѣмши сего, учреди всякимъ благопріятствомъ и отпусти его къ собранію, да сію приѣмшую свышше благодать и прочіимъ явить и привлечеть ко спасенію душъ ихъ. Егда же изыде къ собранію, и начать ихъ укоряти безумными: «Почто вы противестея повелѣнію Цареву и отрицаетеся христіанскія вѣры: вѣдите вѣдуще, яко за непослушаніе прогнѣвается Богъ и Государь, и послеть воя і всѣхъ насъ истребитъ въ конецъ и земля наша пуста будетъ. Повелѣніе бо Царево страшно і непослушающимъ его смерти достойно». — За что начаша і его укоряти. Онъ же наки къ нимъ: «Доколѣ благодать сію, спасеніе душъ нашихъ... и присѣдимъ погибели древнихъ отецъ нашихъ, ничтоже вѣдуще: азъ убо приѣмлю повелѣніе Государя моего и сіе полезное ученіе учителя». — И сими словы аки мечемъ разсѣче сопряженный сей союзъ и стать всѣмъ противу проповѣди. Мнози бо внемше рекшому, начаша приступати до единомыслія съ нимъ; іныи же не хотяху, молву въ народѣ возмутиша; елины бо глаголаху пріять крещеніе, шайтана же своего сожечь не подають, но на особномъ гдѣ мѣстѣ бросить сего, и къ нему впредь не ходитъ и не поклонятися, о чемъ и учителя понуждаху; іныи же весма не хотяху креститися. И бысть весь день и ночь молва и прѣніе. Дню же наки возсіавшу, возсія и благодать въ сердцахъ невѣрнаго рода, и отъ Сего, иже рече ученикомъ своимъ: миръ вамъ, и бысть миръ, уста прѣніе и молва, но тишайшею кротостію приде все собраніе къ учителю, рекше: «Сотвори съ нами, еже хоцещи, и чтялица и кумиры яко хоцещи разоряй».

Ѣі. Изшедши же учитель къ собранному народу, поучи я довольно, и предготовльши ко крещенію, начаша отрицалныя

молитвы. Сатана же не преста козней своихъ, но избра себѣ орудіе, злообразную себѣ ипостась собранію Нахрача Евплаева, иже малъ, чернъ, худъ, горбъ на персехъ и на плещахъ, той бо рече: «Блюдитесь, друзи, сего, егда начнутъ васъ тязати, не примуйте сего, то бо есть волшебство христіанское; таже егда будутъ вамъ стрищи власы, то вырѣзовати муть изъ васъ души».—Егда начаша священники елеомъ помазovati, абіе народъ возмутися і вси убѣгоша во своя жилища, и едва возмогохомъ собрати народъ паки. По всемъ же томъ, егда начахомъ крестити, народъ весь предстоящій побѣже въ воду и сами погружахуся глаголюще: «Клади на мене крестъ, я уже крещень».—Мы же едва моленіемъ изведохомъ изъ воды народъ и чиновнѣ начахомъ крестити, и благодатію Божіею крестинася вси. При кончинѣ же крещенія паки дѣволъ возмути раба своего, онаго Евплова, иже вземъ жезлъ прибѣже къ рекѣ, начать народъ отъ крещенія отгоняти; народъ же устремися на него і возложиша рукѣ біюще его, и прогнаша даже до селенія. Егда же крещеніе окончися, присла къ намъ Евпловъ онѣй сына своего, глаголя: «Аще самъ мене архиерей окреститъ, то и азъ приму крещеніе».—Се же слышавши, мы, аще і немоцествовахомъ зѣло, но забывши немощи, скоро отъ ладіи изыдохомъ, і во уготованномъ мѣстѣ начахомъ отрицателныя молитвы. Егда же приде сіе слово: иждени изъ него всякъ лукавѣй і нечистѣй духъ, гнѣздящійся въ сердцы его,—абіе возтрепета аки бѣснѣй, и начать главу отъ знаменія крестнаго обрацати сѣмо і овамо, и мало не паде на землю, і воскрыча нелѣпо, і исторжеса отъ рукъ и убѣжа. Емше же его, вопросихомъ вины; онъ же рече нама, яко страхъ найде на мя, и болѣзнь пронзе ми сердце; мы же рекохомъ, яко отверзи страхъ сей,

но вѣруй несумнѣнно, яко здоровъ будещи і никакой не ощутиши болѣзни,—и едва умоляхомъ его паки предстати отрицанію, но обаче тожде сотвори, не стерпѣ осиненія креста Господня, и нача вопли, исторгши ножъ на ны рече, яко болѣзнь ми пронзаеть утробу и сердце. Народъ же слышавши сіе устремися, мняще яко въ дѣйствіяхъ и словехъ сихъ нѣкая поражающая и убивающая сила есть, обаче нѣщны, имъ же во отрицаніяхъ ничто же приключися, глаголаше къ нему: «Не бойся, ничтоже постраждеши».

гї. По крещеніи же всѣмъ преставиша трапезу, прочіихъ съ начальникомъ ихъ умоли учитель вніти въ судно—вкусити съ собою трапезы, предъядше имъ, и по трапезѣ рече къ нимъ учитель: «Яко подобаеть вамъ истребить отъ жилищъ вашихъ сего сквернаго істыкана, да не будетъ скверное посредѣ собранія вашего, уже вы чисти есте». Многая же о семъ наипаче бысть распря, и овии глаголаху: «Ни, да занесень будетъ въ пуста мѣста і непроходна».—Многу же бывшу между ими несогласію, доспѣхомъ ноци и тма покры землю. Тогда еще всезлобная тма, діаволь нѣкій, имѣя своихъ рачителей, научи коварства сицеваго: ідола самаго, о его же пряхуся съ нами много, да не сожженъ будетъ, украдше подставиша інаго, а украденнаго отнесоша въ далное мѣсто, надѣющеса, не будетъ ли время, въ неже могутъ паки на свое нечестіе возвратитись. Посемъ соизволиша отдати ідола подставленнаго за кустодію нашу, толко молаху насъ: «Да не предъ нашими, рече, очима сожженъ будетъ».—Егда же приспѣ время уже сожещи его, единъ отъ нашихъ удари того ідола, яко ему пасти; тогда паки бысть вопль і роптаніе много, яко и оружіе взяти на ны, глаголюще: «Почто тако безчестите и ругаете нашего бога»,—и едва народъ укротися и от-

ступи отъ кумирни, взятаго же идола слезными проводяху очима, и глаголаху: «Пойди, боже нашъ, палъ еси въ руки Русаковъ немилостивыхъ». — И тако сѣдши въ ладію со идоломъ и за рѣку преплывше, огнемъ сожгоша, послѣди и кумирню раззориша. Благополучно отплывше оттуду, всюду крещеніемъ просвѣщахомъ, еликихъ обрѣтахомъ, и доспѣхомъ юрть Катышевыхъ. Тамо приде къ намъ посланникъ отъ ихъ князя Сатыги, аки съ моленіемъ просяще, да скорѣе спѣшимъ до ихъ собранія: уже бо, рече, всѣ собрахомся для крещенія. Вещію же самою присла разсмотрѣти, многолюдно ли къ нимъ идемъ. Той бо Сатыга, князецъ Кондійскій, вся своя собраха люди, чловѣкъ до шести сотъ вооруженныхъ, подущеніемъ нѣкоего махометянина, пришедшаго отъ Тоболска і имъ глаголюща: «Азъ, рече, самъ видѣхъ царское повелѣніе во градѣ прибито, въ немъ же Государь повелѣваетъ, кто убіетъ архiereя, не будетъ за то ему казни». — И тымъ возмути народъ и научи Сатыгу, еже хитростію нанъ подвизати і ненадежныхъ нападъ всѣхъ смерти предати. Но запиная Богъ лукавымъ въ коварствѣ и откры ту леств ихъ. Нѣцци бо Вагуличи отъ того же полчища къ намъ пришедше і видѣвше наше къ себѣ благодѣяніе тайно извѣстиша: «Блюдитесь, рече, сеи есть хитрость нашего князя: той бо всецѣло умысли напасти васъ нечаянно і предати смерти». — Тогда въ насъ духъ аще бодръ, но плоть немощствующи устрашенна, хотѣхомъ бѣжати во свояси. Обратихомся ко совѣту, что сотворити не вѣдуще. Нѣкии же отъ нашихъ рече: «Аще начнемъ бѣжати, то і сіи, иже крестисяся, востануть на ны и побіють насъ; но воли Божіей предавшеся впредь идомъ, идѣ же князецъ Сатыга съ народомъ бяше». — Сатыга же слышавъ, яко небоязненно грядемъ къ нему, остави народъ

собранный, самъ бѣжа ідолу своему принести жертву, помощи просяше отъ бѣса на свое ухищреніе. И егда придохомъ, узрѣхомъ народъ многъ, иже сотвориша кличъ і вопль многъ, злословящѣ насъ и страшаще своимъ княземъ, і въ день суботный, въ часъ обѣдный, прииде князь съ помощію бѣсовскою, начать многоразличныя о насъ коварства строити, но Богъ вся намъ его хитрости чрезъ ихъ же людей открываше. И бысть то чрезъ три дни, і видѣ народъ, яко ничто же князь ихъ козными своими успѣваетъ, воста на князя глаголющи народъ: «Ты, рече, бѣсишися и хочещи брань сотворити съ Государемъ, и самъ, рече, погибнеши и насъ погубиши».—І вси его оставльше бѣжаша. Послѣжде и князь убѣжа во свое жилище, мы же побѣдное воспѣвше, иже остана, начахомъ поучати о крещеніи, и ни мало сопротивльшеса, елицы же обрѣтохомъ—крестихомъ, и еще далѣе поидохомъ.

УКАЗАТЕЛЬ

Абалакъ, сынъ Мара—20.
Абызь—77, 94.
Агличанское государство—16.
Адеръ, сынъ Мара—20.
Азія—13, 14, 41.
Алей, сынъ царя Кучума—44.
Алачевъ, Остяцкій княжикъ—73.
Алексѣй, человекъ Божій (празднованіе дня памяти его)—89.
Арктикусь—8.
Атлымъ (юрты)—75.
Аюкины стени—14.
Аюшь (идоль)—66.

Байкаль, море—14.
Башенры—19.
Бейбулатъ, князь събирскій—21.
Березовъ—15, 23, 70, 73, 96.
Богъ рыбъ, см. Старыкъ Обскій.
Божьи домашніе, см. Гусь, Копдѣйскій кумиръ и Старыкъ Обскій.
Босфорусъ—23.
Бояръ, княжикъ Остаквій—22.
Брадкіе Мужики—13.
Бурейковы юрты—77, 93.
Бухарскіе предѣлы (страна)—17;
Бухарія—21.
Бѣлка—9, 15.
Бѣлогорскія юрты—58, 74.
Бѣлый мѣсяць, см. Февраль.

Вавилонъ—47.
Вагинская волость—88.
Вагуличи см. Вогулской народъ.
Варка, избраннѣйшіе ястие—34, 35.
Вдова, см. Метемпсихозисъ.
Верхотурской камень—81.
Взоры (узоры)—39, 66...
Владымеръ св.—73, 104.
Вогулской народъ, Вогуличи—5, 18, 23, 81, 82, 84, 86, 87, 97, 98, 198.

Возмущеніе инородцевъ противъ миссіонеровъ—88.
Волга—21.
Волшебство (officium)—48, 49, 64.
Воплощеніе, см. Сынъ Божій.
Восполскія юрты—74.

Гагарынь (Гагаринъ), Матв. Петр. князь, первый губернаторъ Сибири—1; его гербъ—2, 68, 70, 74, 95.
Горностай—9, 15.
Горы, см. Каменные горы.
Гусь (богъ птицъ водныхъ)—55, 57.

Дивныи языки—18.
Донъ—2.
Дорыприношеніе скверныхъ жертвъ—48.
Древеса изъ нѣдръ земли (камен. уголь)—16.
Древо листвичное... обыкоша боготворить—83.

Евреи—80.
Европія—13, 14, 17.
Египеть—69.
Единоравенство Остаковъ—40.
Елены—24, 37.
Елны (Елины)—47.
Ермакъ нѣкій, Тимофѣевъ сынъ—21, 22, 44, 101.
Етигеръ, князь сибирскій—21.
Ефтіоны—29.

Женскому полу никакихъ именъ не налагають—30.
Житіе Остаковъ—29.
Жрецы—48.

Земныи писанія—32.
Звѣробоя, зелье (звѣробой)—17.
Земледѣліе—38.
Злато—15.
Знаменія вм. подписей—33.

Индіи—63; Индійская земля—69;
Индійскій родъ—54.

- Идолъ Кондійскій... зѣло много почитаемъ баше — 84... См. Кондійскій кумирь.
Иркуцкѣ—14.
Иртышъ р.—19, 20, 21, 22, 27, 45, 56, 70, 81, 82.
Исходъ Обскій (устье Оби)—92, 96.
Ишнѣ р.—19, 26.
Иудей—29.
Иеремія, пр.—6.
Иоаннъ, см. Максимовичъ.
Иоаннъ Васильевичъ, царь Московскій—22.
Иустиніанъ Великій—61.
Иабабала жень и дѣтей—32.
Кавказскія юрты—74.
Калмыки—18, 19, 27, 63; Калмыцкій родъ—64.
Калмыкъ—42.
Каменія драгіе—15.
Каменныя горы—17.
Камень—27, 75.
Камчатская страна—14, 24.
Каринварскія юрты—95.
Каташевы юрты—108.
Кедри (ведры)—18.
Киргизы—18.
Китайская земля—69; Китайск. родъ—64; Китайскія стѣны—15; Китайское государство—14, 17, 41, 60, 62, 63.
Киевопечерская чудотворная лавра—61, 68.
Кіевъ—73.
Клятва (присяга)—53, 4...
Князины Остакіе, природные—50.
Кодійскій монастырь—72.
Кожаны налимні 31, 38.
Козель дикій—17.
Колымъ—43; см. Калымъ.
Комендаты (коменданты)—40.
Конда, Кондіа — 23, 28, 58, 84, 85, 87, 98, 99.
Кондійскій кумирь—55, 58, 59, 84.
Конташныя стѣны—14.
Крещеніе Вогуличей, см. Вагуличн.
Кочичскія юрты—90.
Кронъ (богъ)—47.
Кумирь Шаркоровскій—50.
Кумиря съ пятью идоламъ
Куновать р.—23.
Кунопать—96.
Курганы—26; см. Ровища.
Кутухта—62 и слѣдующ.; см. Мунгальскій законоучитель.
Кучумъ Мартазіевъ, изъ Казачей Орды, первый наречеса царемъ Сибѣрскимъ—21.
Лашмы (чиновники духовные)—62.
Лапнскій князь—40.
Лапнѣ—23, 96.
Латинскія имена въ пермскомъ нарѣчїи—27, 28.
Листый окянъ—92, 96.
Лисцы черныя—14.
Ляля, никто (нѣкто) отъ Вагуличъ—87.
Магметъ, сынъ Адера—20.
Магнитъ—17.
Максимовичъ, Иоаннъ, бывшій архіепископъ Черниговскій—1, 68, 72, 74, 79, 86, 91...
Малый Атлакъ—95; см.: Сухорукоскія юрты.
Маманта, мамонта (звѣря) кости—15, 16, 17.
Мангазель—13.
Мансуръ, Иванъ (воевода)—45.
Марморка (черная лисица)—41.
Маръ, сынъ Ходзы—20.
Марья, дванадесятолѣтняя дѣвица (чудо съ нею по крещеніи)—90.
Масло каменное—17.
Махометане—29.
Медвѣдь (его почитаніе)—53.
Метемпсихозисъ у Остаковъ (странный же, безуміи и безстыдія исполненный обычай...)—46, 62.
Москва градъ—18.
Московскіе государи—22.
Московское государство—41.
Москусъ (мускусъ)—17.
Мужики Брацкіе; см. Брацкіе Мужики.
Муксунъ, рыба израдная—34.
Мунгалы—51.
Мунгалскія стѣны—14. Мунгалскій владычествующій законоучитель и законодавецъ—62.
Мунгалы—63.
Налимъ рыба; см. Кожаны.
Нареченіе новорожденныхъ—30; см. Русскія имена.
Наримъ—23.
Нахрачевы юрты—99.
Нахрачъ Евплаевъ—99, 100 (его моленіе передъ истуканомъ), 101, 106.
Нелма (нельма), рыба—56.
Нерчинскъ градъ—14.
Нитки: отъ кропицы бо зѣлныя хитростявъ нѣстягауть пяти—38.
Нида р.—19.
Новицкій Григорій—1, 8.
Новолуніе—51... 65.
Ноевъ потопъ—16.
Обдора—23.
Обдорское селеніе—96.
Обдоръ—15, 96.
Обувь, см. Кожаны.
Объ (Обь) р.—13, 19, 20, 22, 23, 27, 34, 35, 41, 45, 56, 57, 72, 78, 80, 99.

- Огнепальный мужъ (видѣніе)—79.
 Одежда изъ рыбьей кожи, см. Ко-
 жань.
 Овидій—39.
 Окянъ лдистый — 15, 17; см. Лдистый окянъ.
 Онъ, князь—19.
 Опанчинъ градъ—97.
 Останви, аби бы Остяки—28.
 Островъ—95; см. Прохоровская во-
 лость.
 Остяцкая страна, Остяцкій народъ—
 1, 5, 9, 18, 19, 22, 24, 25, 27, 28,
 29, 32, 34, 37, 39, 45, 55, 58, 60,
 69, 72, 82, 84, 86, 87, 89, 91,
 94, 99, 101.
Нашель келейникъ—94.
 Палестина (въ смыслѣ страны, сущ.
 варицат.)—16, 34.
 Пама (пальма)—2.
 Пансотникъ (Πανσοφος), кудесникъ
 нѣкій—75.
 Парчи шелковыя—15.
 Пелымка р.—87.
 Пелымъ (Пелимъ) градъ—81, 82, 83,
 86, 87, 89, 90, 97.
 Переговоры съ преосвященнымъ
 Иоанномъ—102...
 Пермское нарѣчіе—27.
 Пермь Великая — 26, 27, 28;
 Пермь—75; Пермь—27, 28. Пес-
 цы—24.
 Пища—34.
 Петръ, апостолъ—64.
 Петръ I, императоръ—60, 61.
 Пифагоръ—62.
 Пиръ р.—23.
 Погребаніе умершихъ—45.
 Поземы, сушеная рыба—34.
 Поклоненіе идоламъ—65...
 Полнощный, лдистый окянъ—8, 13.
 Полунъ р.—23.
 Помжукъ, старѣйшина—104.
 Проказа или весьма нечистота (не-
 излѣлимый нечистоты недугъ)—43.
 Преселеніе думъ, см. Метемпси-
 хозисъ.
 Прохоровская волость—95.
 Псы (для ѣзды)—37.
 Пѣгая орда—18, 19, 27.
Ровнища—26; см. Сосуды, Сребро.
 Россіане—14, 28, 44, 43. Россійскіе
 монархи—13. Россійское государ-
 ство—18.
 Руководіе обще всѣмъ едино, стрѣ-
 ланіе звѣра—33.
 Русскія имена—30.
 Рыбныя ловли—14, 15.
 Рыбья кости—24.
Самаровъ градъ—56.
 Самоятцы — 18; Самоуды — 19, 23,
 24, 37.
 Сейдакъ, князь—44.
 Сатика, кондѣйскій княжикъ (кня-
 зецъ)—85; Сатыга—108, 109.
 Селенга—14.
 Сибирская митрополія—61, 68.
 Сибѣрь, Сибѣрское государство, Си-
 бѣрское царство, Сѣбѣрь, Сѣбѣрь—
 1, 4, 6, 8, 9, 10, 13, 18, 19, 20, 21,
 22, 26, 44, 45, 60, 61, 62, 75.
 Симонъ, волхвъ—64.
 Сій (Сій—*Σίω*)—59.
 Сіонъ—80.
 Сладкія (прѣсныя) воды—18.
 Слоновая кость—15.
 Слюда чистая—17.
 Собаки, см. Псы.
 Соболи—14, 15.
 Соляныя озера—15.
 Сосва—23, 96.
 Сосвинская волость—96.
 Сосвинскій княжикъ—40.
 Сосуды берестяны — 37; златые, на-
 ходимые въ ровнищахъ и курга-
 нахъ—26; каменные избранные—
 15; фарфурные—41.
 Сребро — 15; сребра множество въ
 ровнищахъ и курганахъ—26.
 Старыкъ Обскій, домашній божокъ
 (богъ рыбъ)—51, 56... 71.
 Стефанъ, св., Великія Пермь епи-
 скопъ—26, 28, 75.
 Студеный полнощный кругъ—8, 14.
 Супружество Остаковъ—42.
 Сухоруковскія юрты—95.
 Сыроуды—28.
Табакъ китайскій—36.
 Тавда р.—81, 87.
 Тагилъ р.—19.
 Тайбакъ, Тайбукъ, смнъ Она—19, 20.
 Тавгуская земля—62.
 Тасовская (Тасовая) губа—23, 96.
 Тась р.—23.
 Татары—19, 27, 44, 51, 81, 97.
 Татарскіе князья—26.
 Тахтанская волость—89.
 Тоболескъ градъ; Тоболскъ, первый
 престолный градъ въ государствѣ
 Сибѣрскомъ — 13, 22, 23, 31, 42,
 44, 70, 73, 90, 91, 93, 96, 97, 108.
 Тоболъ р.—19, 22.
 Тумень (Тюмень) градъ—20; Тумен-
 ская обитель—91, 97.
 Тунгусы—18.
 Тура р.—18, 19, 20, 81, 97.
 Туруханъ—13, Туруханскъ—15.
Улусы—40.
 Улакъ, казанскій царь—20.
 Урманко —94, 97.

- Фараонъ**—80.
Февраль, см. Паганъ.
Филовей, митрополитъ Сибирскій (экономъ Киеопечерскія чудотворныя явры)—61, 67.
Фретумъ—23.
- Ходъза**, сынъ Тайбуки—20.
Холстъ кропивный (крапивный, см. витки)—38.
Хондія, Хондымахъ, см. Кондія.
Хрусталь самородный—17.
- Паганъ**: сестрь бѣлый мѣсяць—65.
Цаты изъ олова—39.
- Червленныя** одежды—40.
Часовая (Чусовая) р.—21.
Черныя юрты—90.
Чинганъ, подвластный (подручный) Она—19, 20.
- Чудо съ новокрещеннымъ младенцемъ—90 (см. Марья).
Чуцкіе народы—20.
Чюцкій народъ—26; Чуцкой н.—46.
Чынгинъ градъ—20.
- Шаръ**, см. Табакъ китайскій.
Шоркоровскія (Шорковскія) юрты—50, 72, 74; см. Кумиръ.
Шубы, см. Кожавы.
- Юнона**—46.
Юрты—36, 50, 72, 74, 75, 77, 90, 93, 95, 99, 108.
- Язакъ** шайтанчикъ—95.
Язкы, см. Дивны язкы.
Якуты—13.
Якуць—14.
Ясакъ—41.
- Феодоръ**, сляповыхъ—1.